

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Роман Афанасьев

ДИКАЯ ОХОТА

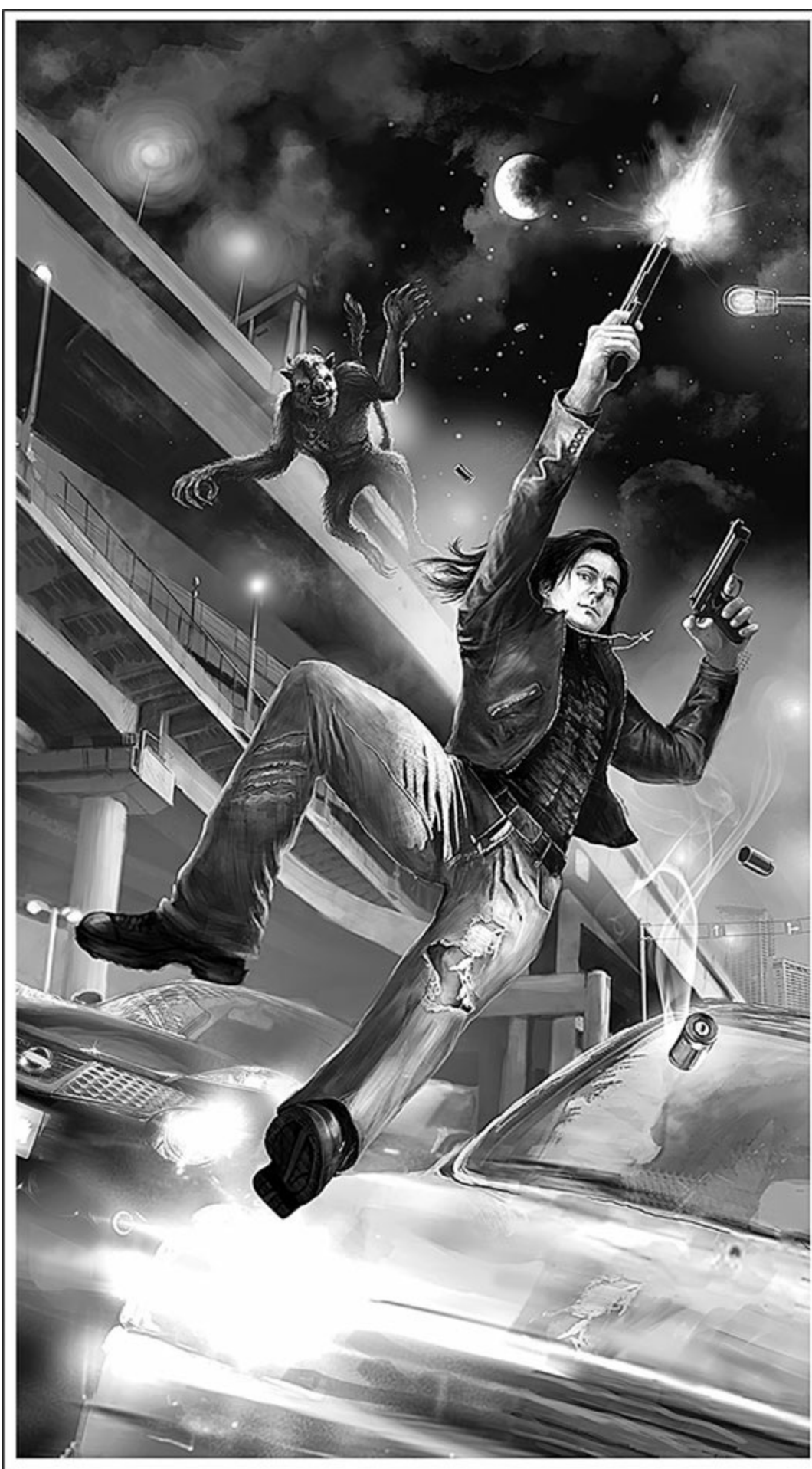
Annotation

Алексей Кобылин – охотник-одиночка. Его жертвами становятся духи, барабашки, оборотни – нечисть, что мешает людям спокойно жить. С тех пор как в пламени пожара сгорел его дом, Алексей скитается по подвалам и чердакам, и только страсть к работе поддерживает в нем боевой дух. Не зря же Кобылина называют паладином в сверкающих доспехах! Впрочем, не все так просто. На пути паладина встает самый сильный и безжалостный враг из всех, с кем Кобылину приходилось сталкиваться. И Алексею ничего не остается, как обратиться к союзнику, которого боятся смертные...

Роман Афанасьев

Дикая охота

* * *

Вечер выдался необычайно холодным даже для ранней весны. Пусть она только-только вступила в свои права, пусть еще не отступило снежное воинство, все одно – в городе стало

слишком холодно. Из черного провала беззвездного неба бесшумно сыпалась снежная крупа, оседая на сугробах, что и не думали таять. Крохотные снежинки поблескивали в желтом свете одинокого фонаря, который стоял у входа в парк подобно давно заброшенному за ненадобностью маяку. Узкая тропинка засыпана снегом, ветви кустов почти скрывают ее, а деревья с голыми черными ветвями простирают над тропинкой серые, мертвые до поры кроны. Казалось, здесь царят вечное уныние и запустение. Эта тропа словно бы вела в заброшенное лесное царство, из которого еще никто не вышел живым.

Зловещее впечатление сглаживало шоссе, что тянулось вдоль парка, и по которому то и дело сновали машины. Да и другая сторона улицы, плотно застроенная многоэтажками, тоже не внушала особого трепета. При одном взгляде на уродливые серые здания, пылающие разноцветными огнями, становилось ясно, что город никуда не делся. Он здесь. И тропинка в парк не более зловеща, чем самая обычная городская подворотня.

Высокий человек в бежевом пальто и темной кепке поправил поднятый воротник и отвернулся от улицы. Встал к ней спиной, чтобы ему был виден только черный лес да желтое пятно света на присыпанной снегом тропинке. Так центр города выглядел более загадочным.

Вскинув руку, человек бросил взгляд на часы, блеснувшие на запястье. Его лицо, желтое от света фонаря, помрачнело. Полночь. Он опаздывает. Всегда они опаздывают, всегда!

Мимо человека с ревом пронеслась черная машина, гладкая и блестящая полированной чешуей, как глубоководное существо. Мигнув алыми стоп-сигналами, она растворилась в ночи, и человек обеспокоенно вскинул голову. Из темноты ему навстречу вышел молодой парень в дутой фиолетовой куртке и в шапочке с симпатичным помпончиком. Пареньку на вид было лет двадцать. Он шел, что-то насвистывая себе под нос и покачиваясь в такт музыке. Увидев человека в бежевом пальто, паренек широко улыбнулся и помахал рукой.

– Опаздываете, – сухо бросил человек в пальто, когда паренек подошел ближе.

– Да ну! – бодро отозвался тот. – Еще вся ночь впереди! Вы – Виктор Петрович?

– Да, – с явным неудовольствием отозвался человек в пальто. – А вы – Гоблин?

– К вашим услугам, – отозвался паренек, отвесив шутовской поклон.

– Тогда, полагаю, пора начинать, – отозвался Виктор Петрович.

Сунув руку за широкий отворот пальто, он вытащил белый лист бумаги, на котором виднелась грубо нарисованная от руки карта.

– Тю! – ухмыльнулся Гоблин. – Лучше было с сайта распечатать.

– Так... более атмосферно, – немного смешавшись, отозвался Виктор Петрович.

– Ладно, ладно, – бросил Гоблин, потирая ладони. – Что там сегодня?

– Задание, – громко объявил Виктор, читая прямо с листа. – В нынешнюю полночь направиться в парк Оселковый, найти черное дерево с провалом, что стоит рядом с источником живительной влаги, отмерить от него полста шагов на север, и в укрытии потаенном, железном, найдете то, что следует. Клад будет спрятан надежно, но не отчаивайтесь, храбрые искатели, следуйте подсказкам и обретете искомое. Будьте осторожны в этот час, когда силы тьмы безраздельно властвуют над...

Виктор Петрович закашлялся и строго глянул на Гоблина.

– Безобразие, – сказал он. – Не могут нормальный текст написать. Зачем же так драть из классики целыми кусками.

– Какой классики? – натурально удивился Гоблин, вскинув жидкие светлые брови.

Человек в бежевом пальто тяжело вздохнул и махнул рукой, признавая свое поражение.

– Пора идти, – сказал он, разглядывая карту. – Куда сначала?

– Прямо, – решительно отозвался паренек. – Сначала до ларька с чебуреками, а от него к лавочкам. Знаю я это дерево, в прошлом году закладка была именно там.

Виктор Петрович едва заметно вздохнул, печально и устало. Потом опустил руку с листком бумаги и шагнул на свежий снег.

– Стой! – воскликнул Гоблин. – погоди!

– Что еще? – недовольно отозвался мужчина, оборачиваясь к собеседнику.

– Оружие! – провозгласил паренек. – У нас же игра! И есть указание опасаться сил зла.

Значит, кто-то из мастеров может отыграть эти самые силы тьмы.

– Ах да, – мрачно произнес Виктор Петрович. – Оружие.

Он сунул руку в карман плаща и вытащил пистолет из желтого пластика. Размером он напоминал настоящий, но выглядел так по-детски, что никто, пребывая в здравом уме, не принял бы его за настоящий.

– А, с присосками, – Гоблин хмыкнул. – Да. Ну, это. Наверно, сойдет. А у меня – вот.

Резким движением он выхватил из-за пазухи огромный черный револьвер и прицелился в сторону леса. В его левой руке появился фонарик, который вспыхнул ослепительно-белым светом.

– Стоять! – рявкнул Гоблин. – Всем немедленно выйти из леса!

Виктор Петрович незаметно прикрыл глаза, борясь с желанием закрыть лицо ладонью.

– До чего дошли современные нравы, – едва слышно, себе под нос, пробормотал он. – Куда подевалось достоинство и самоуважение? Осталось только шутовство.

– Что? – переспросил Гоблин, водя перед собой черным револьвером. – Нравится? Шесть зарядов, батарея в рукоятке, пуляет так, что синяки оставляет!

– Да, – громко произнес Виктор. – Очень нравится. Но нам пора идти.

– В путь! – провозгласил Гоблин. – И пусть все силы тьмы...

Виктор Петрович повернулся и решительно направился в глубь парка, отчаянно хрустя снегом.

Гоблин припустил следом. Виктор шел быстро, поглядывая на карту и стараясь не обращать внимания на то, что его спутник тычет в темноту своим оружием, изображая стрелка с Дикого Запада. Виктору Петровичу стало даже немного стыдно за своего напарника. Нет, конечно, каждый развлекается как умеет, но это уже выходит за рамки. Это уже не забава, это инфантилизм во всей красе.

Они не разговаривали. В полном молчании спутники пересекли освещенную часть тропинки и углубились в темноту парка. Тут пригодился фонарик Гоблина, что озарял путь не хуже строительного прожектора. Идти было довольно легко. Людей кругом не было – мало кто отваживался прогуляться в полночь по этой заброшенной части парка. Место глухое, недоброе. Красотой не одарено, разглядывать тут нечего, тем более что на дворе почти зима, вот и нет никого в этом парке.

Ларек с чебуреками, оказавшийся давно заброшенной железной будкой, был закрыт. И, судя по виду, не открывался уже года три. В полном молчании спутники обошли его стороной и углубились в лес. На этот раз вперед выдвинулся Гоблин.

– За мной, – сказал он, махнув рукой. – Я знаю дорогу! Тут уже близко.

И он весело, вприпрыжку, поскакал по глубокому снегу. Виктор Петрович отстал – его теплые ботинки щедро черпали снег, и он старался идти осторожнее. Впрочем, это не помогло. На втором сугробе он все-таки набрал полные ботинки снега и сдавленно

чертыхнулся.

– Что? – подал голос Гоблин, убежавший вперед и светивший из темноты фонариком. –
Застряли?

– Иду, – откликнулся его спутник. – Уже иду.

– Тут рядом, метров десять осталось, – дружелюбно отозвался паренек, поджидая своего напарника. – Там дерево такое, с дуплом. А от него уж близко до закладки. Сказано, что клад в железе – опять, наверно, в урну запихнули.

– В урну, – пропыхтел Виктор Петрович, приноравливаясь к бодрому шагу спутника. –
В урну!

– А что делать, – серьезно отозвался Гоблин. – Игра.

Пару минут шли молча. Дорожки под ногами больше не было, и им приходилось шагать по нетронутому снегу. Кругом ни огонька – только темнота, из которой свет фонарика выхватывал то изломанные ветви кустов, то голые, мокрые стволы деревьев. Темнота – хоть глаз выколи, и без фонарика, что так удачно захватил с собой Гоблин, спутникам пришлось бы туго.

– Полезная вещь, – наконец сказал Виктор, – надо себе такой завести.

– Пустяки, – отозвался паренек. – В любом ларьке продается.

Сделав еще пару шагов, он поежился.

– Виктор Петрович, – сказал он. – Я хотел спросить... Зачем это вам?

– Что? – переспросил тот, не сбавляя шага.

– Все это, – ответил паренек, махнув рукой.

– А, – сухо отозвался мужчина. – Ну, это, знаешь, немного волнует кровь. Заставляет чувствовать себя живым.

– Чувствовать себя живым, – печально повторил Гоблин.

– А тебе? – с интересом спросил мужчина. – Зачем тебе все это шутство, скоморошество? Вы же не ведете себя так в обычной жизни?

– Не знаю, – совершенно серьезно отозвался молодой человек, замедляя шаг. – Быть может... это тоже заставляет меня чувствовать себя живым.

Он сделал пару шагов вперед, опустил фонарик, подсвечивая белый наст под ногами. Виктор Петрович замешкался, пробираясь сквозь очередной сугроб, немного отстал...

– Извините, Виктор Петрович, – произнес Гоблин.

Фонарик упал в снег, мазнув лучом по черным зарослям кустов. Гоблин резко обернулся, вскинул руки и рванулся к своему спутнику. Его лицо, подсвеченное упавшим фонариком, искажилось. Глаза залило алым, рот распахнулся жадным провалом, из которого выглянули два длинных клыка, острые, как иглы. Гоблин двигался быстро и бесшумно, как призрак, сорвавшийся с адской цепи. В мгновение ока он оказался перед Виктором, успевшим поднять руку, и заревел, как дикий зверь. И тут же задохнулся, когда полметра кованой стали пробили ему грудь – там, где когда-то билось сердце. Рев перешел в стон, руки с отросшими ногтями опустились. Ноги Гоблина стали ватными, ослабли, и он рухнул на колени перед Виктором Петровичем, сжимавшим в руке короткий меч с узким лезвием, что полностью вошло в грудь упыря.

– Вы, – прохрипел Гоблин, – вы...

Виктор Петрович рывком вытащил меч из груди чудовища, и блестящее лезвие, усеянное замысловатыми завитками древних письмен, сверкнуло в луче фонарика.

– Как низко пали нравы, – печально сказал Виктор Петрович, поправляя очки. –

Никакого самоуважения, даже у принцев тьмы.

– Я не... – прохрипел Гоблин, протягивая руку к своему спутнику.

Виктор Петрович взмахнул мечом, и лезвие, сверкнув, обрушилось на упыря. Тот взвизгнул, когда клинок отсек руку у самого плеча, а потом умолк, когда меч пылающей полосой рубанул его по самому горлу.

Обезглавленное тело повалилось под ноги Виктору Петровичу, забрызгав полы его плаща тягучей черной жижой. Тот брезгливо перешагнул через содрогающегося упыря, медленно, хрустя снегом, подошел к упавшему фонарику и поднял его. Обведя пылающим лучом крохотную полянку, скрытую от посторонних глаз зарослями кустов, Виктор Петрович едва заметно хмыкнул.

– Подойдет, – вслух решил он. – Достаточно близко к точке.

Он сунул фонарик в сугроб – так, чтобы тот освещал мертвое тело упыря, и зашагал обратно. Остановившись около Гоблина, мужчина взялся за рукоять меча обеими руками и воздел его над головой. А потом резко опустил. И еще раз. И еще.

Черная жижа из тела упыря разлеталась в стороны тяжелыми каплями. Бежевое пальто вмиг покрылось черными пятнами, но Виктор ожесточенно рубил труп, сжимая зубы. Наконец, выдохнувшись, он распрямился и, тяжело дыша, осмотрел дело рук своих.

Тело было изрублено в куски, что плавали в черной жижке, перемешанной со снегом. От Гоблина остались только истерзанные останки, ничем не напоминавшие облик человека. Куртка, штаны, шапка – все это превратилось в бесформенные лохмотья, перемешанные с темной плотью.

Удовлетворенно кивнув, Виктор склонился над этой мешаниной и начал осторожно раздвигать куски мечом, что проходил сквозь плоть упыря, как нож сквозь масло.

Выложив куски, оставшиеся от Гоблина, относительно ровным кругом, Виктор Петрович перехватил меч поудобнее и в самом центре черного месива принялся чертить паутину из коротких линий. Он тихо напевал себе под нос странную мелодию. Дело шло не так легко, как ему хотелось, и вскоре с покрасневшегося лба мужчины покатались крупные градины пота. Но он не прервался ни на миг. Наконец, прочертив последнюю линию, Виктор с явным облегчением выдохнул и с размаху воткнул меч в замаранную землю, словно ставя точку в долгой и нудной работе.

Отойдя на пару шагов в сторону, Виктор поправил очки, испачкав щеку в черной жижке, что покрывала его пальцы плотным слоем. Воздев руки к черному небу, мужчина повернулся к останкам упыря и тихо запел мелодию без слов. Она все убыстрялась и убыстрялась, пока не слилась в единый неразборчивый гул. В момент наивысшего напряжения Виктор вскрикнул – отчаянно и зло – и упал на колени. Простирая руки к мечу, воткнутому в останки упыря, он прошептал:

– Приди! Приди же!

Ответа не было. Виктор Петрович, дыша тяжело и натужно, как загнанный зверь, оперся руками о землю. Исподлобья, зло и пронзительно, он глянул на рукоятку меча, блестящую в свете фонарика.

– Не может быть, – прошептал мужчина. – Я все сделал, все...

Изрубленные куски плоти полыхнули багровым пламенем. От них повалил черный дым, и снег с шипением раздался в стороны, обнажая черную сырую землю. Меч задрожал, а потом ухнул вниз, словно провалился в невидимую дыру.

– Да! – воскликнул Виктор, рывком поднимаясь на ноги. – Да! Приветствую тебя...

Его тело сорвалось с места, словно получив удар в грудь. Виктор Петрович отлетел назад и с хрустом ударился спиной о дерево, стоявшее позади. Он даже не вскрикнул – не успел. Ему не дали коснуться земли. Новый рывок швырнул мужчину к соседнему дереву, и на этот раз его тело с глухим хрустом хлопнулось о ствол. Толстая обломанная ветка пронзила его спину, вышла из груди, и Виктор забился в судорогах, насаженный на ветку, как бабочка на иглу. Он так и не успел ничего сказать – из раскрытого рта потоком хлынула кровь, голова мужчины вздрогнула, ударилась о заиндевевший ствол. Очки в тонкой оправе упали в снег. Парк замер.

В наступившей тишине было слышно, как трещат горящие останки упыря, распространяя клубы зловонного дыма. Свет фонарика, так и оставшегося лежать в сугробе, померк, словно батарейки успели сесть за краткие секунды кровавого пиршества.

Виктор Петрович пошевелился, и дерево захрустело, словно пытаясь сбросить с себя чудовищную ношу. Мужчина в бежевом пальто поднял голову и взглянул на окровавленный сук, торчащий из груди. Потом уперся ногами в ствол, оттолкнулся и, сорвавшись с ветки, упал в снег. Тут же, без всякой паузы, без стонов и воплей, он поднялся на колени и медленно встал. Выпрямившись, не торопясь, спокойно, обвел взглядом изуродованную поляну. Его бесстрастный, ничего не выражающий взгляд на секунду задержался на останках упыря. Потом тело человека в бежевом пальто развернулось, четким движением выхватило из сугроба очки в тонкой оправе и водрузило их себе на нос.

Затем Виктор Петрович медленно пошел прочь, хрустя свежим снегом. На поляне, в облаках зловонного дыма, догорали останки упыря. Когда фигура в бежевом пальто, что стало пятнистым из-за черной жижи упыря и крови владельца, растворилась среди голых стволов, фонарик мигнул последний раз и погас. На изуродованную поляну обрушилась темнота, ставя точку в затянувшейся игре.

* * *

Кулак ткнул точно в скулу, и голова Кобылина мотнулась от удара. В глазах вспыхнуло маленькое солнце, но Алексей уже дернулся в сторону, уходя от второго выпада, которого даже не видел, но предугадал. Мимо скользнула голая волосатая рука, локоть мазнул по носу, чуть не своротив его набок, и Кобылин отпрыгнул в сторону, прочь с линии атаки. Шагнув назад, вскинул руки, защищаясь от удара, замотал головой, пытаясь прийти в себя.

Перед глазами все плыло, левый глаз, опухший от удара, видел плохо, и Кобылин щурился, пытаясь разобрать в полутьме движения противника. Низкий потолок подвала давил на плечи, одинокая лампочка, свисавшая с потолка на длинном шнуре, не столько помогала, сколько мешала. Она освещала только большой кусок бетонного пола, а углы огромной комнаты оставались в темноте. Там, вдоль стен, растеклась толпа, что окружала дерущихся плотным кольцом. Десятки тел – взволнованных, разгоряченных, исходивших мерзким запахом пота и дешевого спиртного. Кобылина подташнивало от этой гадской смеси, но это было еще не самым страшным. Гораздо хуже было то, что толпа не молчала. Нет, орать во все горло они не решались – подвал, где проходили тайные бои, находился под офисным зданием, стоявшим на оживленной улице. Но все-таки они умудрялись бросать короткие фразы злым шепотом, пытаясь натравить бойцов друг на друга. Слабак! Давай! Ввали ему! Мочи гада! Врежь еще разок! По сопатке уроду... Это были самые приличные

выражения, что градом сыпались на вспотевших драчунов. Злой шепот толпы сливался в равномерный гул, что давил на уши Кобылину, заставляя его мотать головой. Ему и так крепко досталось, а тут еще и вонь, и эти омерзительные голоса толпы, жадной до чужих страданий. Алексей чувствовал себя ослабшим. Больным. Проигравшим.

Его противник – здоровенный мужик с округлой бородкой, налысо бритый и довольно упитанный – не очень-то и спешил. Он медленно приближался к Алексею, переминавшемуся с ноги на ногу, поднимая кулаки к самому лицу. На нем были только боксерские трусы – больше ничего. Жирное брюхо, поросшее черным волосом, подрагивало, и Алексея чуть не стошнило от этой картины. Не надо было пить перед боем. Ох, не надо было...

Кобылин сделал пару шагов в сторону, потом в другую. Заметался перед наступающим громилой, словно загнанная в угол мышь. Он и правда выглядел задохликом на фоне этого бугая. Перед боем Алексей стянул свитер, оставшись только в джинсах и белой футболке, пожелтевшей от пота, и теперь выглядел оголодавшим школьником, что раздражил уличного хулигана. Его широкие плечи были опущены, Кобылин сутулился, ожидая нового удара, а жилистые руки беспомощно месили воздух, словно не зная, чем себя занять. Все должно скоро кончиться. Скоро.

Здоровяк, сжав огромные кулаки, ринулся вперед, как разъяренный носорог, грозя смести своего противника с дороги. Кобылин шагнул в сторону, пригнулся, пропуская над собой волосатую руку, дернулся вниз, уходя от второго удара, и тут же получил удар ногой в живот. Алексея сложило пополам, швырнуло в сторону. Он упал на бок, проехался по полу и замер, беспомощно хватая воздух раззявленным ртом.

Над головой гудела толпа, но в ушах у Кобылина стоял колокольный звон. Он почти не понимал где он и что делает. Чьи-то руки ухватили его за плечи, рывком подняли на ноги. Алексей забормотал слова благодарности, и тут же сильный пинок в спину швырнул его обратно в круг света, прямо в руки здоровяка. Кобылин споткнулся, нырнул носом вперед, чуть не угодив головой в живот бугая. Но тот ловко ухватил Кобылина за плечи, сунул его голову себе под мышку. Алексей, согнутый пополам, видел перед собой лишь толстые белесые ноги врага. Босые, с давно не стриженными ногтями. Вот одна нога дрогнула, пошла вверх... Кобылин инстинктивно дернулся, успел наложить на колено противника обе ладони. Удар не получился – колено бесполезно ткнулось в подставленные руки, не причиняя вреда. Еще удар – и с тем же результатом. Разъяренный бугай приподнял Кобылина, с ревом оторвал его от пола и швырнул в сторону.

Алексей покатился по бетонному полу, влетел с размаху обратно в толпу – и тотчас десяток рук выпихнули его обратно в круг. Кобылин приподнялся на ободранном локте, вскрикнув от боли, и в тот же миг перед его лицом появилась пятка. Огромная, с ороговевшей кожей, отвратительная на вид. Время словно остановилось, замерло, растянулось, как густое варенье, переливающееся через край чайной ложки. Алексей успел вскинуть руку, сунуть ладонь между пяткой громилы и своей щекой... А потом перед глазами зажглось солнце и тут же погасло.

Открыв глаза, Кобылин застонал. Над ним нависал низкий закопченный потолок, в ушах стоял гул, а перед глазами плавали зеленые и синие круги. Болело все – руки, ноги, колени, спина. И – щека. Вся левая сторона лица опухла, превратившись в пульсирующую болью оладю. Во рту стоял противный сладковатый привкус крови, левую ноздрю заложило, а левый глаз почти ничего не видел сквозь узенькую щелочку распухших век.

Приподнявшись на пылавшем от боли локте, Алексей огляделся, зажмурив болевший

глаз. Оказалось, что он лежал у самой стены, в дальнем темном углу подвала, превращенного в бойцовский зал. В центре, в ярком свете желтой лампочки, толпились люди, громко приветствуя новых бойцов – двух сухощавых пареньков в кимоно. Бритоголового бугая нигде не было видно, а про Кобылина, проигравшего бой, уже забыли. Оттащили к стене и бросили, как ненужное тряпье, отслужившее свой срок.

Зашипев от боли, Алексей сел. Осторожно потрогал левую щеку и скривился. Потом, скрипя зубами, поднялся на ноги и, опираясь рукой о шершавую стену, похромал в противоположный угол, к едва заметному провалу, ведущему в соседний подвал. Все было кончено. Настало время уходить.

У распахнутой двери, через которую побежденные покидали зал, его остановили. Крепыш в кожаной куртке ухватил Кобылина за руку, да так, что охотник, едва державшийся на ногах, чуть не упал. Мужчина, походивший на округлый плотный шарик, развернул проигравшего бойца к себе и взглянул в разбитое лицо.

– Ну? – буркнул Алексей, разглядывая крепыша, что показался ему смутно знакомым.

– Это ты, – бросил тот. – Я видел тебя в зале на Динамо. Два месяца назад. Помнишь схватку с парнем из СОБРа? Вы еще сначала шутили, а потом сошлись всерьез.

– Не помню, – мрачно отозвался Кобылин.

– Брось, – крепыш нахмурился. – Я видел, какие штуки ты там выделывал. Скакал, как акробат, этот громила тебя и пальцем не мог коснуться. Ты же часто в том зале бываешь, да? Ты что творишь-то?

– Что? – Кобылин искренне удивился.

– Ты мог за минуту уделать этого жирдяя! Ты что, поддался? Или под кайфом? Что с тобой такое?

– Болею.

– Чем?

– Всем.

Кобылин нахмурился и бросил злой взгляд на крепыша с широким красным лицом. Тот демонстративно потянул носом воздух, и Алексей с мрачным видом выдернул руку из хватки собеседника. Повернувшись к нему спиной, охотник захромал в темноту соседнего подвала, шаркая ногами по полу, как старик.

– Зря, – донеслось ему в спину. – Ну и зря.

Кобылин остановился. Замер, прислушиваясь к самому себе, а потом, так и не обернувшись, покачал головой и шагнул в темноту.

Опираясь на стенку, Алексей заторопился к светлому пятну в противоположном углу комнаты, которую пересекали огромные трубы, обмотанные стекловатой. Перешагивая через них, Кобылин чуть не упал, но, зарывав от боли в ободранной коленке, смог удержаться на ногах. Оттолкнувшись от стены, он быстро зашагал к распахнутой двери, из которой лился поток желтоватого света, стараясь не качаться на ходу.

В крохотной комнате, что была освещена единственной лампочкой, его уже ждали. За ободраным столом, напоминавшим школьную парту, сидел худой чернявый паренек в дутом китайском пуховике. Тот был распахнут на груди, и под ним виднелась черная футболка.

– А, – протянул тот, увидев Кобылина. – Давай, сюда иди.

Кобылин послушно подошел к столу и встал перед ним, чуть скривившись набок от боли в спине. Паренек покрутил длинным горбатым носом, почесал небритую щеку и взглянул на гостя снизу вверх.

– Ладно, – сказал он наконец, запуская руку в карман. – Как договаривались.

Алексей молча кивнул. Паренек вытащил из нагрудного кармана пуховика тысячу рублей и швырнул ее на стол перед собой. Кобылин медленно протянул руку, непослушными пальцами сграбастал бумажку, смял ее в кулаке и спрятал дрожащую руку в карман джинсов.

– Иди, одевайся, – бросил парень, скорчив брезгливую гримасу. – Придешь на следующей неделе.

Кобылин, не решаясь подать голос, покорно кивнул и зашаркал в угол. Там, на старом деревянном стуле, лежала груда тряпья – его одежда. Алексей медленно, кривясь от боли, натянул грязный черный свитер, набросил сверху старую китайскую ветровку и натянул синюю вязаную шапочку на самые глаза. Потом, так и не сказав ни слова, подошел к деревянной двери и, распахнув ее, вышел в узкий коридор, чьи стены были выкрашены в грязно-зеленый цвет. Бросив взгляд в дальний конец коридора, туда, где виднелась еще одна дверь, Алексей покачал головой и начал подниматься по кирпичным ступенькам, ведущим к выходу.

Снаружи оказалось страшно холодно. Ветер, гулявший по пустой ночной улице, резал щеки словно ножом. Забравшись под дырявую куртку, он вцепился в разгоряченное тело Кобылина не хуже ледяного демона. Алексей поежился, задумчиво бросил взгляд вдоль домов, на пустую дорогу, потом развернулся и похромал к перекрестку. Он шел вдоль серых стен старых домов, не поднимая взгляда на редких прохожих, что даже ночью спешили куда-то по делам. Шаркая старыми кроссовками по обледеневшему асфальту, Кобылин дошел до перекрестка, но не стал переходить дорогу, свернул в сторону, к одинокой палатке со всякими разностями, что притаилась в тени огромного здания. Здесь ветер был не таким сильным, и Алексей, подходя к светящемуся разноцветными огоньками ларьку, расправил плечи.

Внимательно осмотрев витрину, украшенную новогодними гирляндами, которые, похоже, никто и не собирался снимать, Алексей скупно стукнул в закрытое окошечко. Деревянная заслонка со скрежетом распахнулась, и в лицо Кобылину ударил поток тепла и света.

– Одну за стописят, – прищурившись, буркнул Алексей.

Он сунул руку с заветной тысячей в окошечко и нагнулся, внимательно следя за продавщицей, отсчитывающей сдачу. Та бросила хмурый взгляд на опухшее лицо покупателя, быстро сунула сдачу в протянутую руку, а потом подала бутылку. Кобылин ухватил свою покупку, еще исходившую теплом, и ловко сунул ее за пазуху. Деньги отправились во внутренний карман в тот самый миг, когда окошечко ларька захлопнулось. Все заняло не больше минуты.

– Раз, – хрипло произнес Кобылин, – и ты уже на дне.

Развернувшись, он двинулся прочь от ларька, сутулясь под порывами ледяного ветра. Теперь он хотел только одного – как можно быстрее оказаться в тепле. В подвале или хотя бы в подъезде, у батареи.

– Уважаемый!

Кобылин подпрыгнул, когда за спиной раздался голос, и резко обернулся, прижимая руки к груди, словно пытаясь защитить деньги, заботливо упрятанные во внутренний карман куртки.

– Подождите, уважаемый!

Алексей не поверил своим глазам – к нему обращался паренек в длинном черном пальто. Шапка на нем не было, и аккуратная светлая челочка намочила от хрупкой снежной

пыли, что медленно падала с ночного неба. Выглядел паренек как менеджер из офиса – чистенький, аккуратненький, в руке портфельчик из кожи, а из-под ворота пальто выглядывает белый воротник рубашки.

– Я? – искренне удивился Кобылин.

– Да, вы, – улыбаясь во весь рот, отозвался паренек, подходя ближе. – Подождите. У меня есть к вам деловое предложение.

– Чего? – хрипло отозвался Алексей. – Какое предложение?

– Предлагаю сотрудничать с нашей компанией, а не с этими, – паренек махнул рукой в сторону улицы, с которой пришел Кобылин, – жуликами.

– Какая компания? Какие жулики?

Паренек подошел ближе и понизил голос, словно боясь, что его подслушают.

– Вы же выходите на бои в том зале?

– Каком зале?

Паренек широко улыбнулся, чуть нагнулся к Кобылину и доверительно зашептал:

– В зале Бобров. Не отпирайтесь, не надо. Всем известно, чем они там занимаются. Так вот, мы хотим предложить вам сотрудничать не с ними, а с нами. Условия намного лучше.

– Какие условия? – Кобылин нахмурился. – Ничего не понимаю.

Паренек все так же широко улыбался, но уголки его губ немного обмякли, и он стал похож на страшно усталого человека.

– Давай по-деловому, – сухо сказал он. – Сколько Бобры платят – тысячу? Давай так – дерешься у нас, получаешь две тысячи в любом случае. Даже если проиграешь. Победишь – точно получишь четыре, а если собрал толпу, то и больше.

– А, – коротко отозвался Кобылин. – Понимаю.

– Вот и отличненько. – На лице паренька снова засияла улыбка.

– Но, – протянул Кобылин, – я тебя не знаю. А их – знаю.

Паренек тяжело вздохнул, но потом взял себя в руки и снова улыбнулся, уже немного кривовато.

– Все то же самое, – терпеливо повторил он. – Зал, бой, зрители. Но лучше. Жратва бесплатно. Каждый день. И если надо – есть свой угол. В подвале, комнатка. Тепло, можно спать и есть. Днем спишь, ночью дерешься. Дошло?

– А почему мне к вам-то идти? – пробормотал Кобылин, опасливо отодвигаясь в сторонку. – Зачем к вам-то?

– Потому что у нас лучше, – сквозь зубы процедил парень. – Жратва и бабки, понял? Только начинаем, людей у нас мало, нужны люди, чтобы бои каждый день шли, а не только по выходным. Понял?

– Понял. – Алексей сердито хлопнул расквашенным носом. – Не дурак.

– Вот и молодец, – отозвался паренек.

– А в чем подвох-то? – спросил Кобылин. – Бабла даете больше, жратву... Почему вы добрые такие?

– А! – Паренек, вопреки ожиданиям Алексея, снова ухмыльнулся. – Есть подвох, да. Условие – к Бобрам в зал больше не ходишь. Никогда.

– Понял, – Кобылин закивал. – Это типа вы меня перекупаете.

– Так и есть, – обрадованно выдохнул блондин. – Молодец, въезжаешь. Ну что, пойдём?

– Прямо сейчас? – засомневался Кобылин.

– А чего тянуть, – ухмыльнулся паренек. – Пойдем сразу к нам. Там тепло. Поешь,

отоспишься пару дней, потом на бой. Или тебя кто ждет?

– Нет, – Алексей медленно покачал головой. – Не ждет.

– Ну вот, – бросил блондин. – Пошли, пока я добрый. Тут на маршрутке пару остановок, и будет наш клуб.

Кобылин зябко поежился, оглянулся по сторонам. Холодный ветер гулял по пустой ночной улице, поднимая с тротуара мелкую снежную поземку. Здесь было холодно и неуютно.

– Пойдем, – сказал наконец окончательно продрогший Кобылин. – Веди.

Блондин рассмеялся, хлопнул собеседника по плечу и, развернувшись, двинулся к перекрестку. Алексей тяжело вздохнул, устроил поудобнее бутылку во внутреннем кармане и побрел следом за неожиданным спасителем.

Ему хотелось в тепло. И еще – есть.

* * *

Застонав от боли, Кобылин попытался разлепить глаза. Левый так и не открылся, лишь боль вспышкой молнии вонзилась в глазницу. А правый, распахнувшийся еще шире, не увидел ничего.

Алексей в панике заворочался, понял, что лежит на спине, и вытянул перед собой руку, пытаясь нашарить хоть что-нибудь. Перед ним в темноте мелькнуло светлое пятно – собственная кисть. Кобылин с облегчением вздохнул и медленно сел, постанывая от боли во всем теле.

Охотник чувствовал себя так, словно его, как срезанный пучок пшеницы, молотили цепом. Руки, ноги, лицо, бока, спина, голова... Но хуже всего то, что в горле развели костер. Запалили настоящий пионерский костерок выше сосен да и бросили догорать. Теперь сухие губы потрескались, а шершавый язык едва ворочался и больше напоминал точильный камень.

Где он? Что было вчера? Сосредоточенно засопев, Алексей попытался воскресить в памяти события вчерашнего вечера. Он помнил бой, помнил, как к нему подошел блондин. Они поехали на маршрутке, потом пошли пешком, завернули в кафешку. Паренек купил Алексею тарелку горячего горохового супа, печеную картошку, а потом... Кобылин потер пронзенный болью висок. Он пил. Из стакана. Наливал водку и пил. А стакан ему подавал блондин. Потом... Потом они еще куда-то шли. И все. Дальше – темнота.

– Вот сука, – едва слышно протянул Алексей.

Прижав ладони к пылающему лицу, Кобылин сел и оперся спиной об удачно подвернувшуюся холодную стену. Его тошнило, голова раскалывалась, застывшие мышцы ныли так, словно их пытались вытащить из тела клещами. Очень хотелось пить. Хоть капельку холодной воды пустить в пылающее горло, чтобы смыть этот омерзительный привкус тошноты.

– Еперный карась, – простонал Алексей. – Опять... Опять...

Отняв от лица трясущиеся руки, он попытался осмотреться. Вокруг по-прежнему царил темнота, но теперь Алексей начал понемногу разбирать очертания предметов. Сам он, оказалось, лежал на полу, на куче старого тряпья в маленькой подвальной комнате. Противоположной стены Кобылин не видел, но не сомневался, что до нее метра два, не

больше. Справа темнота уже не была такой густой – с той стороны пробивался зыбкий свет, шедший от лампочки, что находилась далеко за углом. Именно в ее зыбком полупризрачном свете Алексей увидел то, что ему категорически не понравилось.

Дверной проем комнатки был забран решеткой – настоящей решеткой из сваренных между собой железных арматурин. Из них же была сработана грубая дверь с огромными петлями, на которой висел увесистый амбарный замок. При виде этой конструкции Кобылин разом забыл и про боль, и про жажду. Встав на четвереньки, он прополз несколько шагов до двери и вцепился руками в холодные железные прутья.

– Твою мать, – простонал он. – Вот дают, сволочи.

В ответ на его стон из дальнего угла раздался тихий шорох.

– Кто здесь? – Кобылин резко обернулся и, цепляясь за решетку, поднялся на ноги.

– Браток, – донесся из темноты дрожащий голос. – Браток!

Алексей оттолкнулся от решетки и побрел на голос, идущий от пола. Шел он медленно, пробуя ногой пол перед собой, и все же едва не споткнулся о ворох тряпья, на котором лежал человек. Заслышав стон из-под ног, Кобылин медленно опустился на колени и нашарил в темноте чье-то плечо.

– Ты кто? – спросил Алексей, напрасно шурясь в попытке рассмотреть своего сокамерника.

– Миха, – хрипло отозвался тот и приподнялся.

В предплечье Кобылина вцепились тонкие, но сильные пальцы. Пленник приподнялся, и в полутьме появились очертания его бледного лица. Сальные волосы, отросшая борода, опухшие губы и синяк под глазом – Кобылин вздрогнул. Он словно в зеркало посмотрелся.

– Дрался у Бобров? – коротко спросил он.

– Ага, – выдохнул пленник. – Три дня... Три дня тут. Воды нет?

– Нет, браток, – печально отозвался Кобылин.

Глаза окончательно привыкли к полутьме, и теперь охотник смог лучше рассмотреть фигуру своего соседа по заточению. Тот оказался щуплым мужичком лет сорока, закутанным в драное тонкое пальто еще советских времен. Походил он на бомжа, и не было никаких сомнений, что сюда он попал так же, как и сам Алексей.

– Ты держись, братан, – сказал Кобылин, оглядываясь на решетку. – Кто-нибудь придет.

– Придет! – с внезапным жаром прошептал Миха, цепляясь за руку охотника. – Они придут! Увели Саню. Саню увели! И все!

– Вон оно как, – буркнул Алексей, – ну-ка, погоди.

Отцепив от себя слабеющие руки сокамерника, он сел на пол и принялся ощупывать свои карманы. Они, как и ожидалось, зияли пустотой. Пропали и деньги, и бутылка. И даже шарф – дырявый сальный шарф, что не раз использовался в качестве носового платка, – и тот сняли. Не было и старенького ремешка. Тихо матерясь себе под нос, Кобылин нагнулся и ощупал разношенные кроссовки. Шнурки тоже пропали.

Процедив сквозь зубы очередное ругательство, Алексей распрямился и принялся шарить руками по полу, пытаясь нащупать хоть что-нибудь полезное: камень, обрывок веревки, палку, осколок стекла. Ползая на карачках по ледяному бетонному полу, он сосредоточенно сопел, мечтая наткнуться на обрезок свинцовой трубы. Но наградой ему была лишь груда старых тряпок, видимо бывших когда-то рубашками и простынями. Ткань уже подгнила и рассыпалась в руках, так что толку от нее не было никакого. Сплюнув, Кобылин принялся стаскивать с себя куртку, и в это время его новый знакомый сдавленно забулькал.

– Идут! – услышал Алексей. – Идут!

Охотник замер. И в самом деле, из полутьмы со стороны решетки раздался тихий шорох, словно вдалеке распахнулась дверь. А потом – глухой перестук шагов по бетону. Двое, понял Кобылин. В мягкой удобной обуви вроде кроссовок или ботинок с резиновой подошвой. Шли уверенно, не таясь, ровно и твердо, выполняя привычную, хотя и немного нудную работу.

Кобылин скинул куртку через голову, рывком поднялся на ноги и закачался. От резкого движения закружилась голова, и боль, как раскаленный штырь, пронзила затылок. Невольно застонав, Кобылин оперся рукой о стену и сделал пару неуверенных шагов к двери. Потом, закусив губу, постарался втиснуться в темный угол. Но не успел. Перед решеткой вдруг выросла широкоплечая темная фигура, и тут же загремела связка ключей. Глухо звякнул амбарный замок, решетчатая дверь оглушительно загрохотала, и в тот же миг в темноте вспыхнул яркий свет.

Кобылин, вжимавшийся в стену около входа, невольно зажмурился – после темноты свет самого простого фонарика бил по глазам не слабее полуденного солнца. Подслеповато шурясь, он краем глаза заметил темную фигуру, шагнувшую в камеру, и бросился в атаку.

Простой удар ногой в колено, нанесенный сбоку, должен был выбить или сломать сустав. Алексей не раз прибегал к этому трюку, отработал его до автоматизма, но не учел того, что обычно гораздо крепче держался на ногах. Стоптаный кроссовок лишь скользнул по голени тюремщика, а потерявший равновесие Кобылин влетел прямо ему в руки. Вцепившись в чужое пальто, он вжал голову в плечи, пытаясь прижаться к врагу и не дать ему нанести удар с размаха, но ноги заскользили по мокрому полу, и Кобылин повис на плече великана, как на вешалке.

Тот развернулся и коротко, деловито засадил кулаком в бок Алексею. Охотник закашлялся, ослабил хватку, и тюремщик свободной рукой отшвырнул его в сторону, как нашкодившего котенка. Кобылин заскользил по полу, зашатался, схватился рукой за решетку... И в тот же миг перед глазами расцвел огненный цветок.

Очнулся Алексей на полу. Сильно болели челюсть и затылок. Перед глазами еще плавали светлые пятна, но охотник сразу же перевернулся на живот и попытался встать – из чистого упрямства. И только услышав затихающий крик, понял, что опоздал.

Комнатка, превращенная в камеру, уже опустела и погрузилась во тьму. Тюремщики забрали Михаила и утащили его куда-то дальше по коридору. Судя по крикам, они не слишком церемонились с пленником и ничуть не скрывались. Это было плохо. Значит, здесь никто не услышит чужих криков и они тут не в новинку.

Морщась от боли, пронзившей затылок сияющей молнией, дотянувшейся до самых глаз, Алексей встал на четвереньки и подполз к куче тряпья. Нашарив свою куртку, он сел на пол и завернулся в нее, как в одеяло. Кобылина трясло – от холода и от боли. Зубы выбивали барабанную дробь, хриплое дыхание с трудом вырывалось из сведенного судорогой горла.

– Никогда, – отстучал зубами Кобылин, – больше никогда... Зараза...

Согнувшись пополам, он сблевал на грудь вонючего тряпья и застонал от боли в сведенной судорогой спине. Постанывая, отполз подальше, отшвырнул в сторону куртку и стал на четвереньки, упираясь ладонями в ледяной пол.

– Ладно, – прошептал он. – Ладно. Десять минут.

Он знал, что времени у него немного. Если увели одного, значит, скоро придут и за вторым. Скоро. Возможно, прямо сейчас...

С трудом оторвав правую руку от пола, Кобылин сунул два пальца в рот, и его желудок

сжался в комок, выплескивая все, что в нем еще осталось. Из глаз хлынули слезы, боль, словно огромный топор, раскалывала голову надвое. Чудовищное ощущение – полузабытое, из прошлой жизни, такое знакомое и такое неожиданно новое. Тогда так бывало часто. Тогда.

– Выдержу, – прохрипел Кобылин, отплеываясь. – Давай. Назло...

Опустошив желудок, Алексей отполз в сторонку, нашарил свою куртку и дрожащими руками натянул ее на плечи. Застегнув молнию, Кобылин обхватил себя за плечи и откинулся на пол, содрогаясь от крупной дрожи. Он прикрыл глаза и постарался дышать ровно. Знал – времени осталось мало, всего ничего, скоро придут и за ним. Все, что он хотел, – пятнадцать минут. Всего четверть часа покоя, чтобы никто его не дергал, не трогал, не касался. Тогда, быть может, удастся отдышаться, хоть немного...

Ему дали ровно десять минут. Когда в коридоре снова раздались шаги, Кобылина, чуть успокоившегося, снова пробила крупная дрожь. Когда на него упал пылающий свет фонарика, Алексей заскулил, как побитая собака, засучил ногами по полу, пытаясь отползти в сторону и забиться в темный угол. Не дали – крепкая рука ухватила его за воротник куртки, и под треск надорванной ткани Кобылина потащили по полу, как мешок с картошкой.

Когда его вытащили в коридор, Алексей застонал и забился, пытаясь вырваться, и тут же получил пинок крепким ботинком в бок. Закашлявшись, охотник сжался в комок, но это не помогло – его тащили дальше. За углом в самом деле обнаружился длинный коридор, с одной-единственной лампочкой в самом дальнем конце – у белой двери. Здесь было светлей, и Кобылин, бросивший испуганный взгляд вверх, рассмотрел наконец своего тюремщика. Это был рослый мужик, ростом метра в два. Широкоплечий, налысо бритый, с борцовской шеей и курчавой бородицей. Опустив здоровенную, как лопата, руку, он без труда волок Кобылина по бетонному полу – спокойно и привычно, словно занимался этим каждый божий день. На громиле была кожаная куртка, напоминавшая размерами чехол от кресла, на ногах тупоносые ботинки на шнуровке и камуфляжные штаны – то ли от какой-то формы, то ли охотничьи.

Без малейших признаков усталости тюремщик легко протащил Алексея по всему длинному коридору и остановился только у самой двери. Распахнув ее, он зашвырнул пленника внутрь, как куль с мукой. Кобылин закувыркался по полу и чуть не сбил с ног худощавого типа, что стоял ровно посреди крохотной комнатки, залитой ярким светом лампочки без плафона, что свисала с потолка на длинном проводе.

– Встать! – рявкнул худой чернявый тип в спортивном костюме. – На колени, быстро!

Кобылин завозился на полу, испуганно озираясь по сторонам. Крохотная комнатка с низким потолком была почти пуста. Лишь в углу приткнулась табуретка, исполняющая роль стола – на ней стояла початая бутылка водки, сверток из газеты да два стакана. На стене, на вбитых гвоздях, были развешаны куртки и пальто. Под ними стояла деревянная скамейка, из-под которой виднелись чьи-то ботинки. Прихожая – не больше того. Догадку Кобылина подтвердила вторая дверь, видневшаяся в противоположной стене. Обычная дверь из ДСП, обитая досками, выглядела довольно странно в этом месте. При взгляде на нее у Кобылина волосы встали дыбом.

Здоровяк, видя, что пленник не особенно торопится, решил ему помочь – ухватил за воротник и рывком поставил на колени. Кобылин со стоном задрал голову и с испугом уставился на худощавого типа, чьи щеки покрывала недельная щетина. Тот не ухмылялся, не злорадствовал, не наслаждался властью над беззащитным пленником. Смотрел спокойно и равнодушно, словно выполняя рутинную работу. И от этого становилось еще страшней.

– Давай, – тихо, но с угрозой в голосе произнес он. – Руки давай.

Из кармана своей спортивной куртки он достал моток прозрачного скотча, отработанным движением подцепил ногтем край и с треском отмотал длинный кусок ленты.

– Руки, – тихо потребовал он.

Кобылин, стоявший перед ним на одном колене, как перед королем, протянул дрожащие руки вверх, к ленте. Худой парень чуть наклонился, но прежде чем лента коснулась запястий Кобылина, охотник рванулся вперед.

Он ударил правой точно в пах худого тюремщика, и тот с воплем согнулся пополам. Здоровяк, державший Алексея за шиворот, рванул жертву назад, но было поздно – охотник, так и не застегнувший куртку, выскользнул из нее, как из опустевшей шкурки, и кувыркнулся по полу в угол, к импровизированному столику. Под бессвязные вопли корчащегося на полу тюремщика Кобылин вскочил на ноги, ухватил бутылку водки и пинком отправил табуретку под ноги здоровяку, что бросил куртку и рванулся за пленником. Громила запнулся о катящийся по полу табурет и с воплем рухнул на пол, на вытянутые руки. Кобылин оттолкнулся от стены, одним прыжком перемахнул через здоровяка и взмыл к низкому потолку, замахаясь своим оружием.

Поднимающийся на ноги худощавый тип успел увидеть прыжок пленника и даже успел открыть рот, но сделать ничего не успел. Кобылин упал сверху и со всего маху обрушил бутылку с водкой на голову своего тюремщика. Глухой гул удара сменился звоном бьющегося стекла, и чернявый парень как подкошенный рухнул на пол, не издав ни звука. Кобылин, в руках которого осталось бутылочное горлышко с парой длиннющих осколков, не удержался на ногах – сделал пару неверных шагов и ткнулся спиной в стену, смахнув на пол чье-то тряпье с гвоздя.

Он даже не успел заметить, пальто это или куртка – здоровяк, уже поднявшийся с пола, зарычал медведем, оскалился, и, подхватив с пола табурет, запустил им в Кобылина. Тот упал на одно колено и хлипкая конструкция с грохотом разбилась о стену над его головой. Здоровяк же, вытянув огромные руки, бросился на пленника, словно пытаясь его обнять. Он несся на Кобылина, притиснутого к стене, как оживший паровой каток – громадина, которую нельзя ничем остановить. И Кобылин, оттолкнувшись от пола, как спринтер, рванул ему навстречу.

Они встретились на середине крохотной комнатки. Алексей с разгона нагнулся и шагнул в сторону, уворачиваясь от вытянутых рук здоровяка. Тот проскочил мимо, а Кобылин, не разгибаясь, со всей силы полоснул обломком бутылки по широкому бедру в камуфляже. Здоровяк заревел, попытался затормозить, обернуться... Охотник, распрямляясь, наотмашь взмахнул «розочкой», целя повыше. Повернувшийся громила тут же завопил – острое стекло мазнуло по лицу, оставляя за собой развороченную плоть. Хлынувшая кровь не остановила тюремщика, лишь разозлила еще больше. Не обращая внимания на боль, он рванулся к Кобылину, вытянув вперед огромные ручищи, и тогда охотник сделал выпад, сделавший честь любому мушкетеру. Проскользнув между рук здоровяка, он вколотил «розочку» точно под подбородок тюремщика и тут же отпрыгнул назад, оставив оружие в теле. Рев громилы сменился хрипом. Хватаясь за горло, он сделал пару шагов вперед, к Кобылину, потом, выпучив глаза и задыхаясь, упал на колени и медленно завалился на бок.

Алексей застыл посреди комнаты, настороженно разглядывая поверженные тела. В дырявом черном свитере, в драных джинсах, он стоял в ярком свете лампочки, покачиваясь на носках, и тяжело дышал, переводя взгляд с неподвижного тела чернявого парня на

содрогавшегося в судорогах громилу. Потом наконец разжал кулаки и шагнул к своему бывшему тюремщику.

Громила лежал на спине, обхватив широкими ладонями собственное горло. Из-под них торчало бутылочное горлышко «розочки», так и оставшееся в расплосованной шее. Темная кровь ручьем хлестала из-под застывших ладоней, заливая грудь громилы и собираясь в темное озеро на полу. Тело еще содрогалось, но Кобылину было ясно – тут все кончено.

– Черт, – прошептал он, закусывая губу. – Черт, черт, черт!

Развернувшись, он бросился к худощавому парню, распластавшемуся на полу. Упав на колени, Кобылин приподнял свою жертву, взглянул на его голову и едва слышно застонал. Из темных волос густой патокой сочилась темная кровь, стекая на пол. В застывшем лице парня не было ни кровинки – он стал бледным, как простыня.

– Ну же, – прорычал Кобылин, встряхивая свою жертву. – Ну!

Тело безвольно обвисло в его руках, и Алексей медленно разжал пальцы. Паренек откинулся на пол, раскинул руки и застыл, как сломанная кукла.

– Зараза, – прошипел Кобылин. – Хренов алкаш!

Спохватившись, он принялся хлопать по карманам паренька. Нашел рулон серебристого скотча, ключи от машины с брелоком сигнализации, паспорт, потертый кошелек. И только потом, в нагрудном кармане, то, что искал.

Вытащив мобильник, Кобылин, косясь на закрытую деревянную дверь, глянул на экранчик. Уровень сигнала был невелик, всего одна полоска. Но этого должно было хватить. Набирая знакомый номер, Кобылин выпрямился и вернулся обратно к истекающему кровью здоровяку. Ожидая ответа, он присел на корточки у тела и принялся шарить по карманам кожаной куртки, стараясь не запачкаться.

– Слушаю, – раздался знакомый голос из трубки.

– Гриша, это я, – буркнул Кобылин.

– Леха! Мать твою! Ты куда пропал? Ты где?

– Я на месте, – отозвался охотник, вытаскивая из кармана здоровяка большой складной нож. – Как и предполагали, это подвал. Отследить сигнал?

– А ты сам-то что? – невнятно отозвался Борода.

– Меня сюда притащили в бессознанке, – немного смущенно отозвался Алексей. – Отследить сигнал?

– Это какой оператор? А, уже вижу. Да, минут пять, и мы тебя найдем.

– Ты там как, приготовился? – спросил Кобылин, щелкая ножом.

– Менты наготове, ждут сигнала от моего знакомого опера. Тот уже землю копытом роет, я же обещал ему сдать похитителей людей еще три дня назад!

– Пускай их по пеленгу, – хрипло велел Кобылин, оглядываясь на дверь. – Пусть сюда подваливают. И пусть сразу готовятся к сопротивлению.

– Там вообще что? – спросил Борода. – Вампирское гнездо? Оборотни?

– Даже не знаю, – протянул Кобылин, осматривая тела. – Знаешь, Гриш, мне кажется, на этот раз это не наш профиль.

– Думаешь? – с сомнением в голосе переспросил Борода.

– Меня напоили, притащили в подвал, кинули в камеру. Тут был еще один человек – видимо тот, что пропал в четверг. Два тюремщика, оба люди, выглядят как шестерки братвы.

– И все? – спросил Григорий. – Что за фигня?

– Ну, не все, – отозвался Кобылин, посматривая на дверь. – Знаешь, они куда-то

переправляли пленников. Судя по всему, куда-то вниз, в подземные коммуникации. Я, пожалуй, тут разведую маленько, пока менты едут.

– Леха! – позвал Борода. – Ты это брось! Если у них там гнездо, не вздумай туда соваться в одиночку! И вообще, зря ты в это дело полез.

– Зря, – согласился Кобылин, – ой зря. Уже сто раз пожалел. Но, Гриш, три человека за неделю пропали. И все – в одном и том же зале. Надо было разведать что к чему.

– Разведал? – ядовито осведомился Григорий.

– Вроде того, – мрачно отозвался Алексей, оглядывая тела.

– Вот и вали оттуда, – скомандовал Борода. – Оставь ментам чуток работы. Тем более что не наш профиль.

– Это мне кажется, что не наш, – бросил Кобылин. – А на самом деле... Что-то тут не то. Так что, Гриш, я телефончик оставлю, чтоб ты его поймал, а сам пойду немного осмотрюсь в подвале.

– Леха! – с угрозой бросил Борода. – Ты там что затеял, а? Ты это геройство брось!

– Гриш, понимаешь, туда только что уволокли человека. Мишу, что сидел со мной в одной камере. Буквально полчаса назад, даже меньше, – сказал Кобылин, задумчиво рассматривая обломки табуретки. – Надо сходить, проверить. Не могу я человека вот так вот бросить. Когда еще менты приедут, пес его знает. А человек, может, погибает там.

– Ладно, – буркнул Борода. – Спайдермен хренов. Иди, спасай своего Мишу. Но только без героизма давай. Я видел, как тебя отмудохали, ты сейчас не в форме, да еще и без снаряжения. А сигнал я уже засек, скоро будем. Ты не лезь на рожон там. Как тюремщики-то?

– Я их... – Кобылин тяжело вздохнул. – Я их нейтрализовал.

– Угу, – мрачно отозвался Борода. – Я представляю.

– Ты не представляешь, – мрачно отозвался охотник. – Лучше и не надо. Все, давай. Раз засек адрес, то телефон на всякий случай возьму с собой. Вряд ли он возьмет в подвале, но вдруг.

– Леш, наряд будет через полчаса, – отозвался Борода. – Ты там уж побереги себя, ладно? Ребята уже едут, опер у них злющий и тащит команду СОБРа. Ты им не попадайся, идет? А то нынче у нас силенки не те, я тебя из их лап не вытащу.

– Не волнуйся, мамочка, – ухмыльнулся разбитым ртом Кобылин и тут же скривился от боли. – Я только одним глазком гляну, куда это они пошли. А потом смоюсь раньше, чем приедет наряд. Все, отбой.

– Отбой, – подтвердил Борода.

Кобылин медленно выпрямился, сунул телефон в карман джинсов и задумчиво посмотрел на куртки, висящие на стене. Их там было штук десять, не меньше. Вздохнув, Кобылин подошел к самодельной вешалке и принялся шарить по чужим карманам. Он знал, что это отнимет у него минут пять, но не хотел лезть в подвал с пустыми руками. Если этих ребят внизу действительно больше десятка, то ему понадобится нечто большее, чем один складной ножик. Нужно найти что-то полезное. Хоть что-нибудь. И в первую очередь – хорошие, крепкие ботинки с твердыми, как камень, носами, которыми так удобно колотить по чужим ногам.

Странная дверь открылась неожиданно легко. Никаких замков и запоров, только обычная блестящая ручка, что бесшумно повернулась под рукой. Тихо щелкнул замок, дверь распахнулась, и Кобылин замер, с удивлением рассматривая серую бетонную стену в шаге от себя. Дверь открывалась в крохотный чуланчик, больше походивший на кладовку для швабр, чем на комнатку. Три глухие бетонные стены, заляпанные брызгами штукатурки. И больше ничего... Если не присматриваться к полу.

Кобылин распахнул дверь пошире, чтобы свет из комнаты осветил весь пол чуланчика. Так и есть. В полу виднелась круглая деревянная крышка с едва заметной ручкой. Мокрые доски, давно потемневшие, сливались с полом, и в полутьме были почти незаметны. Опустившись на корточки, Алексей осмотрел свою находку. Люк в полу был невелик, чуть больше обычного канализационного, а судя по сточенным краям, крышку его довольно часто поднимали. И она ни на чем не держалась – просто лежала сверху дыры. Ручка, самая обычная, оконная, что была едва ли не старше самого Кобылина, держалась на паре расшатавшихся шурупов. Алексей взялся за ручку, потянул на себя, выпрямил ноги и рывком сорвал деревянную крышку с пола. Перед ним открылся черный провал, из которого в лицо дохнуло плесенью и влагой.

Осторожно прислонив крышку к стене, Кобылин достал из кармана фонарик, позаимствованный у покойного тюремщика, посветил в провал и заметил лестницу из железных прутьев, что уходила в темноту прямо от края люка. Алексей опустил фонарик, и луч света, мазнув по железным решеткам, высветил мокрый бетонный пол, до которого было метра полтора, не больше.

– Все страньше и страньше, – пробормотал Кобылин.

Опустившись на колени, он бесстрашно сунул голову в дыру и быстрым взглядом окинул подземелье. Оно оказалось не таким уж и страшным – просто большая бетонная труба для сточных вод. Пустая и мокрая, воняющая канализацией и плесенью.

Перегнувшись через край, Алексей скользнул по лестнице вниз и встал на мокрый пол. Посветив назад, он увидел, что проход перекрыт глухой железной решеткой, в которой не было и намека на дверь. А вот другая сторона была свободна – загадочная труба уходила вдаль, напоминая подземный ход, ведущий прочь из осажденного замка. Луч фонарика скользнул по стене, покрытой слизью, и канул в темноте, не в силах пробить крошечную тьму на том конце.

Озадаченно почесав кончик носа, Алексей опустил фонарик и посветил себе под ноги. Тоненький ручеек грязной воды струился по самому дну трубы, размывая залежи мусора, что собирался в рыхлые кучи. Они уже подгнивали, и Кобылин даже не решился предположить, из чего они состояли раньше. Да и не собирался – сейчас его больше занимали следы, четко видневшиеся прямо под железной лестницей. Пара сапог, похоже резиновых, рядом отпечатки ботинок с рифленой подошвой и легкие, едва заметные отпечатки то ли тапочек, то ли дешевых ботинок... Под самой лестницей сильно натоптано, мусор разбросан, и отдельных следов не разобрать. Зато дальше в темноту уходила четко заметная цепочка мокрых следов.

Нахмурившись, Кобылин представил, как это было: двое тюремщиков опускают в дыру связанную жертву, легко и небрежно, как рулон обоев. Здесь, внизу, пленника принимают еще двое. И тут же тащат в крошечную тьму, пригибаясь, чтобы не задевать макушками низкий потолок. Бедняга цепенеет от ужаса, что-то лепечет, не в силах сопротивляться, а его тянут в самое сердце тьмы, навстречу...

Стиснув зубы, Алексей выключил фонарик и сунул его в карман. Он увидел достаточно, чтобы понять – нужно идти дальше. И как можно быстрее. Тьма закутала его непроницаемым черным одеялом, но Кобылину не было страшно. Сейчас темнота его друг, что укроет от чужих взоров и позволит подобраться поближе к добыче. Уже давно темнота из врага превратилась в друга охотника. Нужно только понимать ее, чувствовать, знать, с какой стороны подойти, и тогда она станет надежным союзником.

Кобылин затаил дыхание и прислушался, стараясь уловить малейший шорох. Под ногами тихо журчал ручеек, но сквозь его голосок охотник отчетливо слышал далекий гул голосов. Здесь, в этой трубе, звук отражался от голых стен и разносился очень далеко. Там, впереди, были люди.

Дыша тихо и размеренно, Алексей постарался успокоиться и настроиться на охоту. Боль должна отступить. Усталость должна уйти. Больше нет никаких пятен перед глазами, нет дрожи в ногах, нет холода и жажды. Есть только существо, что слилось с темнотой в одно целое, став на время частью незримой и неотвратимой силы, способной бесшумно вынырнуть из непроглядной тьмы и нанести удар.

Через пару минут глаза Кобылина, привыкнув к мраку, стали различать зыбкие очертания стен. Там, впереди, было светлее, чем здесь – теперь Алексей ясно это видел. Где-то вдали находился источник света, маленький, слабый, но вполне реальный. Кобылин повел носом, как дикий зверь, пытаясь учуять, что там горит впереди. И совершенно неожиданно разобрал среди ароматов сточной трубы сладковатый запах плавленого воска.

– Зато я нюхаю и слышу хорошо, – пробормотал Алексей себе под нос отрывок из детского стишка.

Ждать больше было нельзя, и Кобылин двинулся в темноту. Быстро, уверенно, даже не глядя себе под ноги. Он шел осторожно, бесшумно, скользил в темноте как призрак, стараясь не наступать в воду. Тишину нарушал лишь едва слышный плеск ручейка, что отражался от голых бетонных стен и превращался в неразборчивое хлюпанье.

Алексей двигался быстро, но осторожно, стараясь не отводить взгляда от призрачных отблесков света впереди. Он совершенно не представлял, что скрывалось там, впереди, и потому чувствовал себя немного не в своей тарелке. Привычный набор охотника остался на одном из чердаков, что служил временным пристанищем бездомному Кобылину. И сейчас он остро чувствовал отсутствие оружия в карманах. Это было неприятным ощущением – словно его лишили важной части тела. Ни пистолета, ни дробовика, ни ножей, ни кольев... Не сбавляя шага, Алексей похлопал по драной куртке, проверяя свой нехитрый арсенал, что удалось вытащить из чужой одежды. Ничего серьезного, как и предполагалось, среди трофеев не нашлось. Грубый китайский нож с лезвием из мягкой стали так и остался самой серьезной находкой. Правда, повезло с разбитой табуреткой – она оказалась старого производства, еще советского, и ножки у нее были из тяжелого и крепкого бука. Вдобавок в каждой помещался железный стержень с резьбой, он прилично утяжелял деревяшку. Не обрезок трубы, конечно, но весьма приличная дубинка, которой можно утихомирить любого человека. Вот только на упыря с ней не выйдешь. И на оборотня.

Нахмурившись, Алексей поправил деревяшку, спрятанную в рукаве, и проверил обрывок шнура, намотанного на другую руку. Это был кусок от телевизионной антенны, который Алексей отодрал от стены, и им тоже можно было натворить немало дел, если правильно использовать. Связка ключей в кармане могла сыграть роль кастета, горсть железной мелочи могла кого-то отвлечь звоном, зажигалкой можно было подсветить себе путь, если сядет

фонарик. Да, полезные мелочи. Но и только. Самым ценным приобретением, кроме ножа, оставались крепкие ботинки армейского типа, которые Кобылин снял с трупа здоровяка. Чувствовал он себя при этом невероятным подлецом, но все же довел дело до конца – потому что на охоте лучше быть подлецом, чем дураком в мягких стоптанных тапочках.

Впереди забрезжил свет, и Алексей сбавил шаг, стараясь ступать еще осторожней. И в сотый раз пожалел о том, что так и не нашел пистолета. Хотя бы газового или травматическую. У него даже ладонь зачесалась – так хотела ощутить привычный вес оружия.

Беззвучно чертыхнувшись, Кобылин сжал кулак и пошел быстрее. Гриша сто раз ему говорил, что главное оружие охотника – голова. Алексей верил другу, да и не раз убеждался в правоте этого утверждения на собственном опыте. Но сейчас, когда перед ним открылся темный провал бетонной трубы, ведущий, судя по сквозняку, в канализационный коллектор, голова уже не казалась надежным оружием. Она зверски болела и кружилась, упрекая собственного хозяина в небрежном отношении.

– Надо меньше пить, – пробормотал Алексей, цитируя старый анекдот. – Надо меньше пить...

Собравшись с духом, он нырнул в трубу, где темнота превращалась в полумрак, сделал несколько шагов, пригибаясь, чтобы не цеплять макушкой потолок, и замер.

Бетонная труба вывела его в небольшой зал. До противоположной стены было шагов двадцать, и в ней зиял черный проем подземного хода. Ручеек, что выбегал из-под ног Кобылина, сворачивал левее и уходил к соседней стене, к крохотному лазу, забранному решеткой. Сквозь нее вода с плеском обрушивалась в темноту, и в зале царил гул, что заглушал все прочие звуки.

Кобылин не отрываясь смотрел в центр маленького зала, на сухой пяточок бетона, скрытый от посторонних взглядов под землей. И скрытый не зря – то, что там творилось, чужим определенно показывать не стоило.

На полу стояли зажженные свечи, спрятанные в обрезках пластиковых бутылок. Эти самодельные лампадки давали мало света, края зала терялись в темноте, но самый центр освещали хорошо. Там, на полу, лежали тела людей. Кобылин насчитал шесть – шесть замерших фигур, напоминавших груды тряпья. Одна лежала в центре, а пятеро вокруг нее – и Алексей был готов поклясться, что они являлись вершинами пентаграммы. Чуть дальше, за освещенным кругом, в темноте двигались какие-то тени, и Кобылин был абсолютно уверен в том, что это вовсе не божьи, решившие переночевать в канализационном коллекторе.

Подобравшись, он чуть присел и вытряхнул из рукава ножку от табуретки, что удобно легла в ладонь. Левой рукой Кобылин достал нож, открыл его и замер, всматриваясь в полутьму. Ждать долго не пришлось – через миг одна из темных фигур приблизилась к центру зала и вошла в светлый круг. Выглядела она вполне по-человечески – казалось, это худой и высокий парень, накинувший на себя темный балахон с остроконечным капюшоном, скрывающим лицо. Алексей крепче сжал дубинку – если это и правда человек, то больших проблем не предвидится.

Темная фигура бесшумно прошла в центр, склонилась над одним из тел, что-то поправила. Из темноты появился второй человек – в таком же нелепом черном одеянии, напоминавшем черную мантию.

– Да вы шутите, – пробормотал Кобылин себе под нос. – Что за цирк?

Он ожидал найти подземное вампирское гнездо, которому поставляют кормежку нанятые наемники. Или на худой конец оборотня на цепи, которого кто-то выкармливает,

пытаясь вернуть ему первобытную дикость зверя. Ну, или уж совсем киношного врача в заляпанном кровью халате, что вырезает органы у бомжей на продажу. Но это...

Алексей медленно выпрямился, всматриваясь в темноту, скрывавшую углы зала. Сколько их там еще – двое? Может, весь десяток?

Прямо на его глазах из темноты появились еще трое – скользнули бесшумными тенями по влажному полу и остановились у тел, каждый у своего. Словно заняли пост. Кобылин отступил на шаг, и вовремя – свечи вдруг вспыхнули ярче, словно невидимый ветерок раздул их пламя. По залу заметались светлые отблески пламени, и Алексей заметил то, что скрывалось в темноте. Там, почти у самых стен, лежали еще тела, словно из них пытались составить еще одну звезду, побольше, чем в центре. Три лежали неподвижно, а вот четвертое, над которым склонились двое парней в капюшонах, еще подавало признаки жизни. Человек, распростертый на полу, сучил ногами, пытался перевернуться на живот. Но те, что склонились над ним, не давали жертве подняться – один держал руки, второй прижимал к лицу белую тряпку. Кобылин, заметивший это, прикусил губу. Расклад вдруг поменялся – он понял, что большинство, если не все, из тел на полу просто спят. Видимо, ритуал требовал принести всех в жертву одновременно. И конечно, это проще сделать, если жертвы не орут и не упираются, а мирно спят, усыпленные какой-то дрянью. А это все меняет.

Кобылин догадывался, что жертва на полу – Миша, которого утащили в подвал минут двадцать назад. А оставшееся пустое место, место для пятой жертвы во втором круге, предназначалось последнему узнику, некому Кобылину, алкашу, что за деньги позволял избивать себя. Все это означало, что времени почти не оставалось – ритуал, видимо, должен был скоро начаться. За последней жертвой сейчас отправят кого-то из подручных, и выяснится, что жертва как бы уже не совсем жертва. Скорее, совсем наоборот. А там, глядишь, с сиренами и мигалками нагрянет доблестная милиция. И как поведут себя эти психи? Мгновенно разбегутся, в панике спасая собственные шкуры? Или успеют поубивать всех ненужных спящих свидетелей?

Кобылин облизнул губы. Проверять свою догадку практикой не хотелось. Он был абсолютно уверен, что если сюда сунутся менты, то жертв не удастся избежать. С другой стороны, тут десяток конченных психов, решивших поиграть во что-то странное. Конечно, все они, вместе взятые, не стоят и пары оборотней. Но и у него с собой нет ни одной пушки, в глазах до сих пор плавают зеленые пятна и немного пошатывает. Тот еще боец с зеленым змием. Если психи навалятся разом, никакие трюки не помогут, задавят числом. Можно и в самом деле подождать, пока явится кавалерия, а там уж действовать по обстоятельствам.

Бесшумно вздохнув, Алексей потянул носом воздух. Нет. Что-то тут не так. Не нравилось ему все это. Психи психами, но кроме них здесь есть что-то еще. Нечто темное, злое, исходящее волнами ледяной ярости, готовое в любой миг взорваться черной ненавистью. Нечто такое, за чем Кобылин обычно и охотился в ночи.

– Боюсь, Гриша, это все-таки наш профиль, – прошептал Кобылин, приседая на корточки.

Словно отзываясь на его мысли, из темноты вынырнули две фигуры в балахонах и двинулись прямо на охотника. К тому самому проходу, что вел к подвалу с импровизированной тюремной камерой. Алексей довольно кивнул, его догадки подтвердились. За последним пленником послали конвоиров, а значит, тут больше и планировать нечего. Остается только действовать.

Сосредоточившись, Алексей окинул взглядом зал, стараясь запомнить расстояние до

других людей. Нужно было двигаться быстро, очень быстро. Тут поможет лишь внезапность. Ни сила, ни умение – только быстрота и натиск.

Двое парней в балахонах пересекли зал, и когда до них оставалась пара шагов, Кобылин прыгнул им навстречу.

Он вылетел из темноты, как огромное пушечное ядро, и с разгона врезался в конвоиров. Одному вогнал ножку от табуретки прямо в грудь, как втыкал колы в нечисть. Под деревяшкой хрустнули ребра, и парень с воплем опрокинулся на землю. Второй подпрыгнул от неожиданности, шарахнулся в сторону, но Кобылин успел цапнуть его за край балахона. Рванув на себя затрепавшую ткань, охотник с размаху приложил жертву дубинкой по голове. Парень, даже не вскрикнув, рухнул на пол, ткнувшись лицом в мокрый бетон.

Кобылин перепрыгнул через него и рванулся дальше, топча ботинками огарки свечей и хрустя битым стеклом. Ему навстречу уже развернулся «псих», что стоял ближе всех, у нижнего луча звезды из тел. Остальные, стоявшие у других тел, тоже зашевелились, но пока так и не поняли, что произошло. У Алексея был только один шанс справиться с ними всеми – перебить поодиночке, пока они не очухались, не собрались в группу и не накинулись на него разом. А значит, действовать надо было быстро, очень быстро.

Увидев несущегося на него человека, парень в балахоне попятился, вскинул руки, пытаясь защититься, но Кобылин не стал драться – когда до врага оставалась пара шагов, он, не снижая скорости, оттолкнулся от пола и взмыл в воздух. За долю секунды парения, когда Алексей летел вперед, как выпущенный из катапульты снаряд, он успел подтянуть под себя ноги, а потом резко их выпрямил.

Левая нога лишь скользнула по выставленным рукам парня в балахоне, а вот правая всей подошвой впечаталась в грудь. От удара доморощенного сатаниста подняло в воздух и отшвырнуло на пару шагов назад. Он упал на спину, ударился затылком о бетон и застонал. Кобылин тоже не удержался на ногах – после столкновения хлопнулся на бок, прямо на пол, так и не выпустив из рук дубинку. Но он был готов к падению и тут же вскочил на ноги, прежде чем кто-то успел пошевелиться. Одним прыжком подскочив к упавшему противнику, он всем весом прыгнул ему на протянутую ногу. Под тяжелыми ботинками захрустела коленка, парень заорал во всю глотку, но Кобылин, даже не глянув на него, прыгнул к центру пентаграммы.

Он все-таки немного замешкался, и остальные подонки уже сами бросились ему навстречу. Ближе всего оказались двое с правой стороны звезды. Оба крепко сбитые парни, в широких балахонах, они разом накинулись на Кобылина, да так дружно, что он шарахнулся в сторону, прыжком отскочив с линии атаки. Оба парня развернулись, на миг один заслонил другого, и Кобылин рванулся вперед. Он сделал длинный выпад, припал на одну ногу до самой земли и с силой ткнул своей палкой в голень противника, не ожидавшего такой атаки. На конце ножки от табуретки по-прежнему торчал железный штырь с резьбой. Он без труда прошиб кожу и плоть на голени и ударил в самую кость. Парень в балахоне взвыл паровой сиреной, опрокинулся на землю, хватаясь руками за разбитую голень, а охотник крутнулся по полу, уходя от второго врага.

Вскочив на ноги, он взмахнул дубинкой, отгоняя врага, что прыгнул за ним следом, но тот оказался не из робких – нырнул под палку и, рванувшись вперед, обхватил Кобылина за бедра. И тут же плечом уперся в живот, как борец, собирающийся сбить противника с ног. Проход в ноги – отличный прием, и Кобылин, уже опрокидываясь на спину, знал, что устоять у него нет ни единого шанса. Он только успел бросить дубинку и обхватить противника

сзади поперек груди. А потом и сам откинулся назад, еще дальше, потянув за собой врага. Упав на спину, Алексей так и не разжал рук. Парень согнулся пополам, а Кобылин, продолжая падение, дернул его через себя. Ноги парня взлетели к потолку, он перекувырнулся через охотника и всем весом с размаху хлопнулся спиной о бетон. Стандартная борцовская защита от прохода в ноги, которой охотник научился в зале, сработала как надо. Кобылин вскочил с пола раньше своего оглушенного падением противника и со всего размаха засадил ему в голову тяжелым ботинком. Парень, коротко хрюкнув, рухнул на пол, а охотник бросился к своей упавшей дубинке.

Двое следующих, те, что стояли раньше на верхушке звезды, были уже рядом, а за их спинами виднелись еще двое, те, что раньше укладывали на пол несчастного бомжа Михаила. Алексею некогда было нагибаться за дубинкой, он просто прыгнул на нее рыбкай, как ныряют в воду. Схватив ножку от табуретки, ставшей скользкой от крови, охотник кувыркнулся по полу, поднялся на ноги и тут же прыгнул в сторону, уходя от удара. Развернувшись, он понял, что везение кончилось, – у этих двоих в руках сверкали ножи.

Алексей отпрыгнул назад, просто чтобы выйти на свободное пространство, и оба парня рванули следом. Они разделились – один хотел зайти справа, другой слева. Но сделали они это так грубо, так неуклюже, что Кобылин, скользнув между ними, даже успел ухмыльнуться. Он пролетел между ними как стрела, парни развернулись, открываясь, и охотник прыгнул на того, что стоял справа. Тот, ошеломленный натиском, не успел ничего сделать – лишь глупо и бесполезно махнул ножом перед собой. Кобылин же с размаха саданул своей дубинкой прямо по руке, сверху вниз, едва не перебив кость, и прежде чем тощий паренек вскрикнул от боли, рванулся в сторону.

Второй парень, что пытался воткнуть свой нож в бок охотнику, промахнулся – его рука скользнула вдоль тела увернувшегося Кобылина, запутавшись в лохмотьях куртки. Алексей тут же прижал эту руку к своему боку и резко повернулся, выгибая локоть паренька в обратную сторону. Вытянутая рука хрустнула, парень вскрикнул, замолотил свободной рукой по голове и плечам охотника, но тот дернул плененную руку на себя, а когда противник повалился к нему в ноги, ударил коленом в лицо. Под хруст лицевых костей паренек опрокинулся на пол, а Кобылин, перескочив через него, набросился на второго, что держался за разбитую руку. Парень нагнулся, попытался подхватить левой рукой упавший на пол нож, но Алексей не дал ему этого сделать – с налету ударил ногой в бок, швырнув парня на землю. Тот попытался вскочить, но Кобылин ухватил его за шиворот, дернул в одну сторону, а когда парень рванулся в другую, пытаясь выскользнуть, дал ему хорошего пинка, отправив его в направлении двух следующих громил, что прибежали из дальнего угла.

Первый, еще сжимавший в руке тряпку, пропитанную какой-то дрянью, перепрыгнул через упавшего и рванул навстречу охотнику. Второй замешкался – нагнулся, чтобы подобрать нож.

На Алексея еще никогда не нападали мужики с грязными тряпками в руках. И потому, вместо того чтобы удивляться и глупо ухмыляться, осторожный Кобылин отскочил назад – и вовремя. Парень так резво взмахнул ногой, что чуть не выбил охотнику зубы. Алексей шархнулся в сторону, уходя от следующего удара, а потом подскочил, уходя от выпада в колено. Парень попался не промах – драться он умел и, судя по всему, любил. Кобылину еще не доводилось видеть такой работы ногами – четкой, точной и невероятно быстрой. Парень и не пытался пустить в ход руки, бил ногами, крутясь как волчок, и Кобылину только и оставалось, что уворачиваться – он даже не решался контратаковать, боясь открыться для

сокрушительного удара.

Несколько секунд танца по бетонному полу ни к чему не привели, но зато Кобылин почувствовал, что выдыхается. Он и так был не в лучшей форме, а тут пришлось побегать. Алексей, ускользя от ударов ногами, старался не поворачиваться спиной ко второму противнику, что кружил вокруг дерущихся, сжимая длинный нож, подобранный с пола. Он выжидал удобный для удара момент, и охотнику уже пару раз пришлось выложиться по полной, уходя от двух атак сразу. Это не могло продолжаться вечно. Алексей начал задыхаться и понял, что через пару секунд сделает ошибку, и тогда его добьют.

– Взгреем друг дружку! – заревел он и, взмахнув дубиной, прыгнул на парня с ножом.

Тот шарахнулся в сторону, больше испуганный внезапным криком, чем нападением, а Кобылин, что и не думал на него нападать, перехватил ножку от табуретки двумя руками и резко обернулся.

Как он и предполагал, умелый боец пошел в атаку. Круговой удар ногой, способный расколоть голову человеку, обрушился на Кобылина. В последний миг он успел подставить под удар дубинку, которую сжимал двумя руками. Раздался сухой треск, палка выдержала, но мощнейший удар выбил ее из рук охотника, а самого Кобылина швырнул на пол.

Алексей перекатился по бетону, вскочил на ноги, как раз в тот момент, когда парень с ножом снова бросился в атаку. Ему было далеко до первого драчуна, и Кобылин без труда перехватил его руку. Дернул на себя, а потом резко отступил назад, закрутив противника и выведя его из равновесия. Тот, не удержавшись на ногах, упал, а его рука, так и оставшаяся в захвате охотника, сухо хрустнула.

Парень тихо вскрикнул, но Кобылину было не до того – он увидел, как к нему подбирается тот самый умелый боец – припадая на разбитую ногу, пытаясь не переносить на нее вес, он все же подходил ближе.

Охотник дернул сломанную руку противника на себя, подхватил вывалившийся из скрюченных пальцев нож и бросился навстречу бойцу, что выставил перед собой руки. Кобылин не купился на сказочку о беспомощном калеке – не доходя до врага, он хлопнулся на землю, прямо на бок, и, вытянув ногу, со всей силы пнул ботинком по разбитой голени врага. Тот глухо вскрикнул и повалился на бетон – вперед, пытаясь дотянуться до Кобылина. Охотник откатился в сторону, вскочил на ноги, вскинул руку с ножом, нависая над беззащитной спиной упавшего бойца... А потом, передумав, с размаху ударил локтем в затылок. Боец ткнулся лицом в землю и затих.

Кобылин, потирая ушибленный локоть, медленно распрямился и окинул взглядом поле боя. Со всех сторон из темноты неслись стоны и отборный мат, перемешанный с плачем. Большинство свечей погасли, но даже в наступившей полутьме Алексей видел, что кое-кого из упавших не хватает. Некоторые, получившие не слишком серьезные травмы, успели сделать ноги, и Кобылин не мог их за это винить. Он бы тоже сбежал от обезумевшего маньяка, устроившего кровавую разборку в подzemелье, уставленном свечами. Одно тревожило охотника, – ему казалось, что на ногах должен был остаться еще как минимум один...

Уловив краем глаза легкое движение, Кобылин резко обернулся. Там, у дальнего края, у одной из горящих свечей, стоял высокий черноволосый человек в бежевом пальто. Его лицо, белое, немного обрюзгшее, украшали очки в дорогой золотой оправе. И это лицо, чисто выбритое, ухоженное, не выражало ничего. Оно было абсолютно равнодушным, как у манекена, которому мастер забыл нарисовать улыбку. Человек просто стоял у стены

и смотрел на Кобылина пустым, ничего не выражавшим взглядом.

Кобылин почувствовал, как волосы становятся дыбом, – настолько был этот человек чужд этому подземелью. А тот, не торопясь, поднял руку, не отводя взгляда от Кобылина, отогнул отворот пальто и вытащил на свет большой черный пистолет. Он сделал это медленно, четко и уверенно, без всякого волнения и суеты. Так естественно, что охотник даже не сразу сообразил, что происходит. Лишь когда человек поднял руку и прицелился в Кобылина, тот очнулся от наваждения и взмахнул рукой.

Сухой выстрел громом ударил под бетонными сводами, оглушив Кобылина, и что-то горячее прошло куртку Алексея, пролетев точно между рукой и левым боком. Кобылин дернулся, собираясь увернуться, но тут же расслабился: пуля улетела в темноту, едва не прошив его насквозь – а все потому, что он успел первым.

Человек в бежевом пальто, из лица которого торчала рукоять ножа, по самую ручку вошедшего правую глазницу, стоял неподвижно еще целую секунду. Потом его пальцы разжались, и пистолет звонко загромыхал по бетонному полу. Потом колени странного человека подогнулись, и он медленно, даже с некоторым изяществом, упал в грязь на полу, раскинул руки и затих.

Кобылин медленно выдохнул, поднял трясущуюся руку и вытер вспотевший лоб. Провел пальцами по распухшему лицу, скривился от проснувшейся боли и тут же подскочил, услышав за спиной грохот. Обернувшись, Алексей бросил взгляд на темный проем туннеля, из которого он выбрался пару минут назад. Из него несеся лязг, как будто кто-то ломал решетку, слышались стуки и громкие голоса.

– О, – прохрипел Кобылин. – Кавалерия!

Окинув быстрым взглядом поверженные тела, он перешагнул через затихшего бойца и похромал к противоположной стене, к другому ходу, что вел в непроглядную тьму. Пора было уходить. И Алексей был уверен, что там, на другой стороне, скрывается еще один подземный ход, который выведет его... куда-нибудь.

Прежде чем шагнуть в темноту туннеля, Алексей обернулся и нашарил взглядом человека в бежевом пальто. Тот все так же лежал в грязной луже, раскинув руки, а из его лица торчала намокшая от крови рукоять дешевого ножа.

– Вот скажи, зачем? – пробормотал Кобылин себе под нос. – На фига?

Словно в ответ из темноты, с противоположной стороны, раздалось эхо отборного матерного загиба. Кобылин пожал плечами, шагнул в распахнутую пасть подземного хода и пропал в темноте.

Ему вдогонку несеся железный грохот – оперативная группа, обвешанная оружием, протискивалась по трубе, ведущей от подвала к канализационному коллектору. На пару минут в подземелье наступила тишина – те из сатанистов, кто уцелел после схватки с охотником, расползлись по углам, пытаясь выбраться из коллектора через соседний выход, что был меньше первого. Остальные лежали тихо – и мертвые, и те, кто всего лишь потерял сознание. Пара свечей, уцелевшая после побоища, медленно догорала, тихо потрескивая. Над телами колыхалась полутьма, напоминая густой туман. И потому спецназовец в черной маске, ворвавшийся первым в подземный зал, не сразу разобрал, что происходит в темноте.

– Полиция, всем на пол, – рявкнул он, опускаясь на колени и выставляя перед собой укороченный автомат. – Лежать, я сказал!

Мимо него в зал проскочили еще двое и не останавливаясь рванули вдоль стен, с двух сторон, беря предполагаемого противника в клещи. Первый штурмовик поднялся на ноги

и прицелился в темноту перед собой, до боли в глазах всматриваясь в отблески свечей.

Из-за его спины показался опер – коротко стриженный детина в кожаной куртке с меховым воротником. Сжимая вспотевшей ладонью старенький «макаров», он пристроился рядом со спецназовцем и тоже бросил взгляд в темноту.

– Что там? – хриплым шепотом спросил он у бойца.

Тот не ответил, лишь повел стволом автомата из стороны в сторону, словно следя за невидимой мишенью.

– Чисто! – гаркнули из темноты.

– Чисто, – эхом раздалось из угла напротив, и боец опустил автомат.

– Показалось, – коротко бросил он оперу. – Темно.

В этот момент в подвале вспыхнул свет, и пара лучей мощных фонариков залили бетонный пол ярким светом.

– Японский бог, – потрясенно прошептал опер и сделал шаг вперед.

Из темного провала вынырнул его напарник, следом за ним еще один, и зал наполнился гулкими голосами возбужденных людей.

У дальней стены, не обращая внимания на полицейских, снующих по подземному залу, спокойно стояла девочка. Худенькая, лет шестнадцати на вид, она была совершенно спокойна. Джинсы, потертые на коленках, черная футболка со стразами, в длинных черных волосах одна ослепительно белая прядь. Девчонка, которую никто не видел, стояла у стены и смотрела себе под ноги. На ее худеньком заострившемся лице застыло удивленное выражение, словно она никак не могла поверить в то, что видит. На полу, прямо перед ней, растеклась лужа черной крови, а в ней в самом центре лежал длинный острый нож с черной рукоятью.

Девочка медленно вынула из кармана руку, сжатую в кулак, протянула ее перед собой и разжала пальцы. На узкой ладони заплясал маленький хрустальный шарик – абсолютно прозрачный, как слеза. Сделав пару оборотов, он бесшумно лопнул и исчез, оставив после себя призрачный дымок. Черноволосая девчонка медленно опустила руку, пожала плечами и растворилась в темноте.

* * *

Этот чердак переживал не лучшие годы – старый дом, предназначенный под снос, хоть и стоял почти в самом центре города, давно уже пустовал. Огромное помещение, раскинувшееся над последним этажом, давно не видело ни ремонтников, ни строителей, ни даже влюбленных парочек, ищущих уголок потемней. Классическая остроконечная крыша уходила ввысь, и стропила, поддерживающие гнилые доски, терялись наверху, в темноте. Мягкая полутьма окутывала этот большой зал, походивший на чертоги древних воинов. Справа от дома, почти на уровне крыши, горел яркий городской фонарь. Его пронзительный холодный свет лился сквозь дыры в крыше, расчерчивая темный зал светлыми полосами. Нагромождения старой разломанной мебели и бесформенные кучи мусора покрылись толстым слоем пыли и напоминали песчаные дюны, на которые еще не ступала нога человека. В холодном воздухе медленно кружили ледяные хлопья снежинок – мелких, едва заметных, из числа тех, что предвещают скорое окончание холодов. Здесь было пусто, холодно и тихо – как в склепе.

Большая деревянная дверь, обитая разорванными кусками черного дерматина, медленно распахнулась, и скрип ржавых петель разнесся по пустующему чердаку. Из-под обшивки двери посыпалась труха, мутное облако пыли зависло в воздухе. В черный проем двери шагнул человек – среднего роста, но весьма выдающейся комплекции. Плечи у него были широкие, но просторное кожаное пальто, размерами напоминавшее чехол от кресла, не могло скрыть огромный живот, что владелец нес с достоинством. В руке он сжимал длинную полированную палку – трость, выглядевшую тяжелой и основательной. Кожаная кепка плотно сидела на густых лохмах, падающих на плечи, и огромная растрепанная борода, спускавшаяся на грудь, укутанную в черный шарф, казалась логическим продолжением густой шевелюры.

Большой человек сделал несколько шагов по пыльной тропинке, потыкал тростью в кресло без ножек, что лежало на его пути, и прищурился.

– Леха! – хрипло позвал он. – Лех, ты где?

Темнота не ответила. Борода снова ткнул в кресло палкой, выбив из рваной обшивки фонтанчик пыли.

– Леха, – с угрозой позвал он. – Если ты...

В темноте прямо над его головой что-то мелькнуло, и толстяк с неожиданным проворством отпрыгнул назад. Он даже успел выхватить из кармана пальто маленький пистолет, казавшийся игрушкой в огромной лапе, и прицелиться в темноту. Потом, спустя долгий миг, Борода опустил руку и смачно выругался.

В темноте, прямо перед ним, плавало перевернутое лицо Кобылина. Мрачное, заострившееся, измазанное пылью. Охотник висел вниз головой, а его ноги, уходившие вверх, в темноту, цеплялись за невидимую балку. Руки Кобылин сложил на груди и, болтаясь в воздухе, как летучая мышь, сосредоточенно сопел, разглядывая своего друга.

– Совсем ополоумел, – буркнул Гриша, засовывая пистолет в карман. – Ты что, в Бэтмена играешь?

– Проверяю кое-что, – мрачно отозвался Алексей, резко выпрямляя руки. – И выгоняю остатки этой дряни из тела. Тренировки. Как и прежде – по шесть часов в день. Лучшее средство.

– Лучше бы в баню сходил, – бросил Борода, подходя ближе и всматриваясь в лицо друга. – Ты сам-то в порядке?

– Жив, – сдержанно отозвался Кобылин. – Как там?

– Как всегда. Паника и вой до небес, – произнес Гриша, не отводя пристального взгляда от лица охотника. – Но это уже их дело.

– Сколько?

– Чего?

– Сколько трупов?

Борода нахмурился, пожевал губами, тщательно обдумывая каждое слово, но потом со вздохом признался:

– Четверо. Но ты, Лех...

Кобылин резко согнулся пополам, взлетел к потолку и исчез в темноте. Завозился там, как потревоженная птица, а потом с едва слышимым шорохом спрыгнул вниз. Приземлился он легко и ровно, как спортсмен после тренировки, но при этом поднял такой клуб пыли с пола, что Борода, закашлявшись, отступил на шаг.

– Кончай, – пробормотал он, прижимая ладонь ко рту. – И так дышать нечем...

– Это все она, – с горечью произнес Кобылин, отряхивая рукав. – Водяра. Мог же ведь лучше рассчитать... Никогда себе не прощу.

– Брось, Лех, – прогудел Борода. – Ты и так был гуманен, как Ганди. В одиночку разбросал восьмерых голыми руками... Немудрено, что где-то перегнул палку. Да и не стоит их жалеть, ты же сам видел, что они удумали.

– Нет, – отрезал Кобылин, и лицо его застыло в ожесточенной гримасе. – Так нельзя. Это люди.

– Какие люди, – проворчал Борода. – Хуже упырей, ей-богу. Те хоть пожрать ищут, себе жизнь продляют, а эти...

– Нет. Они тоже люди. Хватит и тех, кто приходит за ними из темноты. Если еще и мы начнем отделять зерна от плевел...

– Хорош, – резко бросил Борода. – Хватит ныть. Ты лучше другое спроси.

– Что? – опешил Кобылин.

– Самое главное – сколько живых.

Алексей на секунду задумался, взгляд его застыл, словно охотник прислушивался к внутреннему голосу. Потом медленно, с неохотой, явно страшась услышать ответ, он сказал:

– Ладно. Сколько живых?

– Все, – выпалил Гриша и довольно ухмыльнулся. – Ты был прав, все жертвы были на наркоте. Их готовили к ритуалу, чтобы всех одновременно... того. Ты спас десяток жизней, Леха, и что бы ты ни думал насчет тех шизанутых убийц, от этого тебе никуда не спрятаться. Ты спас десять человек.

– Ну, хоть одна хорошая новость, – Кобылин с облегчением вздохнул. – Хорошо, что я поторопился.

– И это еще не все, – Борода воздел к потолку указательный палец. – Теперь спроси меня, что там самое странное.

– Странное? – недоверчивым тоном переспросил охотник. – Куда уж страннее?

– Спроси, спроси.

– Ну, и что там такого странного ты заметил, чего не заметил я?

– В центре пентаграммы лежал оборотень, – выпалил Борода.

– Оборотень? – удивился Кобылин. – Он там откуда взялся? Я никакого оборотня не видел.

– Понятное дело, не видел. – Гриша кивнул. – Судя по следам, тебе некогда было разглядывать, кто там на полу. А он был сильно ранен, лежал неподвижно. Видно, этим уродам не удалось его усыпить, и они просто его замордовали настолько, что в нем едва теплилась жизнь. Он сдох на руках у оперов, изрядно их удивив.

– Представляю, – вздохнул Кобылин. – И что они?

– А чего они, – Борода пожал плечами. – Как всегда – поступил приказ в письменном виде считать неопознанное существо мутировавшей собакой-выродком вплоть до следующих распоряжений. И все дела.

– Ох, неспроста это все, – Алексей покачал головой.

– А то! Есть у них и в ментовке свои лохматые братья, сто пудов, – отозвался Борода. – Ну, списали его на живодерню, и ладно. Я уж не лез в это дело, чтобы не засветиться. Все, считай, тема закрыта.

– Закрыта так закрыта, – вздохнул Кобылин и провел ладонью по лицу, размазывая грязь по щекам. – Ладно, что у нас дальше?

– Звонил мне тут один тип, просил по старой дружбе разобраться с привидением в новой квартире, – тут же отозвался Борода. – Дает десять шпук как минимум.

– Надо будет посмотреть, – бросил Алексей. – Мне новая куртка нужна. А что еще?

– Еще барабашка вроде завелся в девятиэтажке, это мне уж через третьи руки передали. Тоже вроде денежное дело.

– Хорошо, – Кобылин снова вздохнул. – И это глянем.

– Лех, – позвал Борода, демонстративно оглядываясь по сторонам. – Ты это. Того. Когда прекратишь по чердакам скакать?

– В смысле? – Кобылин нахмурился.

– Не пора ли тебе завязать с этим бомжеванием, отец? Прячешься по чердакам да подвалам, живешь впроголодь. Хватит партизанить, а?

– Некуда мне податься, – скупно отозвался Кобылин. – Погорелец я.

– Да брось, – Гриша махнул рукой. – Я тебе какую-нибудь квартирку подешевле вмиг сосватаю.

– Денег нет, – отрезал Кобылин. – Сам знаешь. Все на амуницию уходит.

– И без денег найдем, что-нибудь по знакомству, – не отступил Борода.

– Нет, Гриш, хватит, – зло бросил Кобылин. – Сам понимаешь, что один знает, то и десять других знают. Скажет один знакомый другому знакомому – и привет. Поехали. Сам говорил, слава за мной теперь тянется.

– И что? – Борода презрительно скривил губы. – Ты боишься, что за тобой опять придут?

– Боюсь, – признался Кобылин. – Да, боюсь, что опять придут, устроят пальбу, подожгут дом. Но не за себя. Ты знаешь, что в том пожаре, когда выгорела моя квартира, пострадали два человека? Соседка сверху, пожилая бабка Маня, задохнулась насмерть. Отравилась продуктами горения, так и не откачали. А Петрович, сосед из квартиры напротив, полез тушить пожар и сильно обгорел...

– Перестань, – Григорий нахмурился. – Таких пожаров в день... Сам знаешь. Просто не хочешь никого видеть. Я же знаю. Герой-одиночка, и все такое...

– И это тоже, – не стал отпираться Кобылин. – Никого видеть не хочу. Надоели. Все. Сам говорил, искали меня.

– И еще ищут, – Борода вздохнул. – Многие. В основном те, что работали на Олега. Народ не верит, что все рассыпалось. Нелегко работать в одиночку. Многие думали, что ты соберешь новую команду, начнешь все заново. Вот и ищут, чтобы перетереть пару вопросов.

– Ну уж нет, – Кобылин помотал головой. – Дудки. Хватит с меня этих игрушек в тайные организации. Есть дело – его и делаем. Нет дела – отдыхаем. И никаких партийных билетов, начальников, приказов в письменном виде и прочего говна. Ясно?

– Ясно, – вздохнул Борода. – Только это... Ты же знаешь, охотники народ настырный. Захотят – найдут. Не они, так те самые организации, у которых приказы в письменном виде. И никакие подвалы не помогут. Чего зря страдать-то?

– Пусть побегают, – Кобылин зло ухмыльнулся, оскалил зубы. – Пусть перетряхнут каждый подвал, каждый чердак. Просто так не дамся.

– Ох, Леха, – протянул Борода. – Ну ладно. Вижу, еще не отпустило тебя после пожара. Поговорим еще через месяцок. Ты как, прибарахлился уже или нет?

– Нет, – отозвался Кобылин, теребя остатки куртки, что больше походила на лохмотья бродяги. – Это дело у нас было... Настоящее. Не за деньги.

Борода, кряхтя, запустил руку во внутренний карман и вытащил большой кожаный

кошелек. Вытащил из него несколько бумажек и сунул охотнику в руку.

– Это что? – с подозрением осведомился Кобылин. – Откуда?

– Пенсия, – раздраженно бросил Борода. – Осталось еще с прошлого раза. Купи себе куртку. На остальные я патронов возьму.

– Во, – оживился охотник. – Да, патроны! Гриш, совсем труба с этим делом. Достань хоть пачку к «макарову».

– Достану, – пообещал Борода. – Через день рюкзачок будет на том же месте, что и в прошлый раз. А вот с дробовиком твоим – швах. Ну нет таких поставок. Иностранная игрушка, к ней амуниции не возят. Попробую сам набить, из наших гильз, но это, знаешь...

– Попробуй, – попросил Кобылин. – Всего три патрона осталось. Гриш, и поскорей бы.

– Ладно, – бросил Борода. – Завтра или послезавтра достану тебе маслят для «макара». Потом свалю на денек в область – надо кое-какие семейные дела уладить. А потом уж возьмусь за гильзы.

– Идет, – с жаром согласился Кобылин. – Только не пропадай надолго, лады?

– Не пропаду, – отозвался Гриша. – Что мне сделается. Ты это, почту проверяй почаще. Напишу тебе емейл. Ну и на мобильнике обычном я, если что.

– Тогда нет проблем. – Кобылин улыбнулся и, сунув руку в карман, похрустел купюрами. – Слушай, пойду я за курткой сбегая, что-то холодно в этом тряпье.

– Давай, – согласился Гриша. – Завтра созвонимся. Эй! Погоди. Какая куртка – ночь на дворе, магазины все закрыты.

– Ничего, – Кобылин подмигнул. – Знаю я одно место. Помнишь китайцев с бывшего Центрального рынка? Тех, что разогнали по окраинам? Я тогда еще оборотня у них завалил.

– Помню, – настороженно отозвался Борода. – И что?

– Знаю, где они ночуют, – отозвался Алексей. – Спят прямо на товарах, в контейнере. Я у них желанный гость в любое время суток. Пойду прибарахлюсь, а то замерз аки цуцик.

– А, – протянул Григорий. – Давай. Бэтмен.

Кобылин подмигнул и подпрыгнул. Бесшумно взвившись в воздух, он уцепился за невидимую балку, подтянулся и растворился в темноте.

Григорий задрал голову, и кепка чуть не свалилась с его лохматой головы. Прислушиваясь к тихим шагам по крыше, что постепенно затихали, он покачал головой. В глазах его застыла тоска и печаль.

– Бедный пацан, – прошептал он, опуская голову. – Бедный искалеченный ребенок.

Вытащив из кармана огромный носовой платок в синюю клеточку, Григорий шумно высморкался, покачал лохматой головой и похромал к распахнутой двери. Ему еще надо было добраться до соседнего дома, где он оставил верный «жигуленок», а потом сделать пару звонков. Всего пару звонков, чтобы это проклятое кровавое шоу могло продолжаться. Потому что так надо. Потому что так правильно. Потому что на днях они спасли десять невинных душ. И должны сделать это завтра. И послезавтра. И после-послезавтра, не обращая внимания на то, как ломается их собственная жизнь, как умирают по кусочкам их собственные души.

Потому что они – охотники.

[Купить полную версию книги](#)